

ВОЗЧИК ГЕНШЕЛЬ

ПЬЕСА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Перевод
С. АПТА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Возчик Геншель.
Фрау Геншель.
Ганна Шель, позднее фрау Геншель.
Берта.
Барышник Вальтер.
Зибенгар.
Карльхен.
Вермельскирх.
Франциска Вермельскирх.
Гауфе.
Франц.
Жорж.
Фабиг.
Мастер Гильдебрант.
Ветеринар Грунерт.
Пожарные.

Время действия — 60-е годы.
Место действия — гостиница «У серого лебедя» на силезском курорте.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Крестьянская комната, подвальное помещение в гостинице «У серого лебедя». Сквозь два окна, расположенные слева, высоко от пола, проникает скупой свет зимних сумерек. Под окнами — кровать желтоватого лакированного дерева, на которой лежит больная фрау Геншель. Это женщина лет тридцати шести. Рядом с кроватью — колыбель с ее полугодовалой дочуркой. Вторая кровать у задней стены, которая, подобно прочим стенам, окрашена в голубой цвет и окаймлена у самого потолка темным бордюром. Справа на первом плане большая печь из коричневых изразцов, со скамьей вокруг нее. В просторном «просвете», в промежутке между печью и стеной, сложены мелко наколотые дрова. В правой стене дверца в каморку. Ганна Шель, молодая, крепкая работница, хлопочет вовсю; она сняла деревянные башмаки и расхаживает в толстых синих чулках. Ганна вытаскивает из печи котелок, в котором что-то варится, и снова ставит его на место. На скамье — ползник, мутовка, сито; большой пузатый глиняный кувшин с заткнутым горлышком; кружка для минеральной воды. Юбки Ганны подоткнуты, на ней темно-серый корсаж, сильные руки ее обнажены. Вверху печь охвачена четырьмя жердями; на них развешаны и сушатся длинные охотничьи чулки, а также пеленки, кожаные штаны со штрилками и пара болотных сапог. Правее ларь и шкаф — старинная силезская мебель с пестрыми узорами. Через отвернутую дверь задней стены виден темный, широкий подвальный коридор, а прямо напротив дверь с цветными стеклами; за нею деревянная лестница, ведущая вверх. На этой лестнице всегда горит газовый рожок, просвечивающий сквозь стекла. Середина февраля, на дворе — непогода.

Франц, молодой парень в простой кучерской ливрее, готовый к выезду, заглядывает в комнату.

Франц. Ганна!

Ганна. Ну?

Франц. Геншельша спит?

Ганна. А чего ей еще делать? Только не шуми!

Франц. Все равно дверьми без конца хлопают! Уж если она от этого не просыпается... Я еду в Вальденбург с каретой.

Ганна. Кого повезешь?

Франц. Мадам; за покупками ко дню рождения.

Ганна. Чей день рожденья-то?

Франц. Карльхена!

Ганна. Совести у них нет. Запрягать лошадей из-за глупого мальчишки; в такую-то погоду да в Вальденбург!

Франц. Да ведь у меня шуба!

Ганна. Не знают, куда деньги бросать, а мы работай до седьмого пота!

В глубине сцены, в коридоре, появляется ветеринар Грунерт; он шагает медленно, что-то разыскивая. Это человек невысокого роста, на нем черная овчинная шуба, шапка с башлыком и высокие сапоги. Он стучит кнутовищем о косяк двери, чтобы обратить на себя внимание.

Грунерт. Что, Геншель-Вильгельм еще не вернулся?

Ганна. А в чем дело?

Грунерт. Я насчет мерина.

Ганна. Вы, значит, доктор из Фрейбурга, да? А Геншеля нет дома. Он сам сейчас во Фрейбурге, с грузом; вы должны были с ним встретиться!

Грунерт. В каком стойле мерин?

Ганна. Крупный такой, гнедой, с белой звездой на лбу. Кажется, его поставили в конюшню, где лошади приезжих. (Францу.) Сходил бы показал!

Франц. Через двор, потом прямо, под залом, возле кучерской. Спросите там Фридриха, он вам покажет.

Грунерт уходит.

Ганна. Ступай и ты!

Франц. Не найдется у тебя мелочишки, пфенниг-пругой?

Ганна. Что мне, шкуру свою продать ради тебя?

Франц (щечочет ее). А что ж? Хоть сейчас куплю!

Ганна. Франц! Отстань! Хозяйка проснется. (Лезет за деньгами.) Только у тебя и заботы, что денежки

выманивать! Обдираешь как липку! На, держи! (Сует ему что-то в руку.) А теперь сматывайся!

Слышен приближающийся звон бубенца.

Франц (испуганно). Хозяин! Прощай! (Быстро уходит.)

Фрау Геншель (просыпается и зовет слабым голосом). Ганна! Ганна! Не слышишь, что ли, Ганна!

Ганна (грубо). Чего вам?

Фрау Геншель. Надо откликаться, когда тебя зовут!

Ганна. Вот и откликаюсь. Но не могу же я услышать, когда вы под нос себе бормочете! У меня ведь тоже только два уха.

Фрау Геншель. Опять грубишь мне, Ганна?

Ганна (резко). Подумаешь!

Фрау Геншель. Хорошо это, а? Разве можно так грубить больной женщине?

Ганна. А кто начал? Только проснетесь, и давай придирааться. Все не по вам, хоть в лепешку разбейся.

Фрау Геншель. Потому что не слушаешься.

Ганна. Вот и делайте сами! И так надрываешься до поздней ночи. А если вы опять за свое, я лучше уйду! (Опускает подобранную юбку и убегает.)

Фрау Геншель. Ганна! Ганна! Зачем ты так? Что я тебе такого сказала? Ах ты, горе, горе! Что ж это будет, когда мужчины придут. Они ведь есть захотят. Эх, Ганна, Ганна... (В изнеможении падает на подушки, тихо стонет и начинает медленно раскачивать колыбель за шнурок.)

В стеклянную дверь в глубине сцены с некоторым трудом пробирается Карльхен. Двигаясь осторожно и робко, он несет горшок с супом к постели больной и ставит его около нее на табурет.

Это ты, Карльхен? Что это ты принес?

Карльхен. Суп! Мама передает вам привет и желает вам скорее поправиться. Кушайте на здоровье, фрау Геншель!

Фрау Геншель. Ты, малыш, лучше их всех. Куринный бульон, скажите на милость! Ну так вот, передай маме, что я очень вас благодарю. Слышишь? Только не забудь! А теперь вот что, Карльхен. Окажи мне

одну услугу. Возьми тряпку — вон она лежит — и полезай на скамью, понял? Теперь подвинь котелок к себе поближе. А то Ганна ушла, а она очень уж глубоко его в печь засадила.

Карльхен (*тотчас же с готовностью берет тряпку, взбирается на скамью и, заглянув в печь, спрашивает*). Черный или синий, фрау Геншель?

Фрау Геншель. А что в синем?

Карльхен. Кислая капуста.

Фрау Геншель (*встревоженно*). Вытаскивай его скорей, а то капуста совсем разварится. Эх, Ганна, Ганна!

Карльхен (*вытащив котелок на самый край*). Так хорошо будет?

Фрау Геншель. Вот так и оставь. Иди-ка сюда, я подарю тебе веревочку для хлыстика. (*Достает ее с подоконника и дает мальчику.*) Как мама поживает?

Карльхен. Хорошо. Она поехала в Вальденбург купить мне подарок к рождению.

Фрау Геншель. А мне худо, милый! Я, наверно, умру.

Карльхен. Нет-нет, фрау Геншель.

Фрау Геншель. Да-да, поверь мне, милый, я умираю. Так и скажи маме.

Карльхен. А мне шапку с башлыком подарят, фрау Геншель.

Фрау Геншель. Да-да, поверь мне. Подойди сюда поближе! Помолчи минутку, прислушайся! Слышишь, как стучит! Слышишь, как стучит в гнилом дереве?

Карльхен (*которого фрау Геншель судорожно удерживает за руку*). Я боюсь, фрау Геншель!

Фрау Геншель. Чего тут бояться! Все мы умрем. Слышишь, как стучит, а? Слышишь? Это червь смерти копошится. (*Падает на подушки.*) Раз, два. Эх, Ганна, Ганна!

Карльхен, которого она отпустила, робко крадется к выходу. Когда он касается ручки стеклянной двери, им овладевает страх; он распахивает дверь и с силой захлопывает ее за собой, так что звенят стекла. Сразу после этого снаружи доносится громкое шелканье бичей. При этом шуме фрау Геншель порывисто приподнимается. Отец приехал!

Геншель (*его еще не видно, он в коридоре*). Как же нам быть с конем, доктор?

В дверях показываются Геншель и ветеринар Грунерт.

Грунерт. Не подпускает к себе; придется его стреножить.

Геншель (*атлетически сложенный человек лет сорока пяти в меховой шапке, овчинной куртке, под которой видна синяя извозчичья блуза; на нем высокие резиновые сапоги, зеленые охотничьи чулки, в руках — кнут и зажженный фонарь*). Ума не приложу, что такое стряслось с конем! Вчера возвращаюсь домой — я тут уголь возил с Лисьей Норы, — распрягаю, ставлю коней в конюшню, а он вдруг хлоп наземь и давай биться. (*Ставит кнут в угол и вешает шапку.*)

Возвращается Ганна и берется за прерванную работу, явно кипит от злости.

Засвети-ка огонь, Ганна!

Ганна. Не все сразу.

Геншель (*вешает фонарь, предварительно погасив его*). Одному богу ведомо, что тут творится! То жена заболела, то лошадь свалилась! Мерина я купил под самое рождество у Вальтер-Готфрида; не прошло и двух недель, гляжу — хромает. Уж я Вальтеру это припомню. Двести талеров выложил.

Фрау Геншель. Дождь на дворе?

Геншель (*рассеянно*). Да-да, мать, дождь. — Надул меня, значит, собственный шурин. (*Садится на скамью к печке.*)

Ганна зажигает свечу и ставит ее на стол в жестяном подсвечнике.

Фрау Геншель. Больно уж ты добр, отец! Всегда во всем доверяешь людям.

Грунерт (*садится за стол и пишет рецепт*). Я пропишу лекарство, возьмите в аптеке.

Фрау Геншель. Не хватало, чтобы еще и гнейдой окошел. Нет, бог этого не допустит.

Геншель (*протягивая ногу Ганне*). Ну-ка, стяни с меня сапоги! Ох, и ветрище же был от самого Фрейбур-

га. Говорят, в Нидердорфе с церкви полкрыши сорвало. (Ганне.) Вот наказание! Ну, скоро, что ли?

Фрау Геншель (Ганне). Вот уж не думала, что ты и этому не научилась.

Ганна стаскивает наконец первый сапог, ставит его в сторону и берется за второй.

Геншель. Молчи, мать, ты это делаешь не лучше!

Ганна (стаскивает второй сапог, ставит его в сторону, затем неприязненно, Геншелю). А передник мне из лавочки привезли?

Геншель. Поди все упомни! Дай бог свою-то поклажу собрать да воду до станции довести. Буду еще забивать себе голову бабьими передниками.

Грунерт. Да, это не по вашей части.

Фрау Геншель. Еще чего не хватало!

Геншель (надев деревянные башмаки и поднявшись, к Ганне). Ну, живей-живей! Собери поесть! Сегодня еще в кузницу съездить надо.

Грунерт (встав и оставив рецепт на столе, прячет записную книжку с карандашом и собирается уходить). Поскорее пошлите за этим в аптеку, а завтра, с утра пораньше, я загляну.

Геншель садится за стол. Медленно входит Гауфе; на нем деревянные башмаки и кожаные штаны; в руке у него тоже зажженный фонарь.

Гауфе. Ну и погодка закрутила опять.

Геншель. Как там в конюшне, а?

Гауфе. Того и гляди, все свалит. (Гасит фонарь и вешает его рядом с фонарем Геншеля.)

Грунерт. Ну, значит, спокойной ночи. Подождем до завтра, ничего не поделаешь. Мы, врачи, ведь тоже всего-навсего люди.

Геншель. А как же! Мы и сами понимаем. Спокойной ночи, смотрите, чтобы вас с ног не сшибло!

Грунерт уходит.

Ну, мать, рассказывай, как живешь.

Фрау Геншель. Опять одна досада.

Геншель. Кто ж это тебе досаждает?

Гауфе садится к столу.

Фрау Геншель. Да вот, не могу ни подать, ни убрать.

Ганна ставит на стол миску с клецками и миску с капустой, достает из ящичка вилки и кладет их на стол.

Геншель. На то у нас и Ганна.

Фрау Геншель. Пустая голова у твоей Ганны.

Геншель. Еда есть — и слава богу. Не встань ты раньше времени, сегодня бы хоть плясать могла.

Фрау Геншель. О господи, где уж там плясать!

Ганна расставила три тарелки — по ломтику свинины на каждой; теперь она придвигает для себя табуретку и садится за стол.

Гауфе. Овес скоро весь подберем подчистую.

Геншель. Я купил вчера тридцать мешков. А в субботу воз сена привезут. Корма-то дорожают.

Гауфе. Хочешь, чтобы скотина работала, — корми.

Геншель. То-то. А вот иные думают, что она воздухом сыта будет. Опять хочет сбавить мне жалованье за извоз.

Гауфе. Он и мне насчет этого говорил.

Фрау Геншель. Водяной инспектор?

Геншель. А то кто же? Только на этот раз дело не выгорит.

Фрау Геншель. Нет, милые, теперь конец. Куда денешься в тяжелые времена?

Ганна. Дорожный смотритель приходил. Наказывал прислать завтра лошадей для большого катка. Работа, говорит, идет сейчас у Гинтергартау.

По лестнице за стеклянной дверью спускается господин Зибенгар. Ему за сорок; одет он очень тщательно и элегантно, по моде конца 60-х годов. На нем черный суконный сюртук, белый жилет, светлые английские брюки. Волосы его, старательно причесанные, уже поседели и заметно поредели, зато усы пышные, темнорусые. Зибенгар носит золотые очки, а если ему нужно что-нибудь лучше разглядеть, прибегает еще к помощи золотого пенсне, которое надевает обычно под очки; у него внешность интеллигентного человека.

Зибенгар (*держа в правой руке жестяной подсвечник с незажженной свечой и связку ключей, а левой заслоняя глаза от света, подходит к отворенной двери и заглядывает в комнату*). Геншель уже вернулся?

Геншель. Я здесь, господин Зибенгар!

Зибенгар. А, вы как раз обедаете. А у меня тут дела в подвале. Ну, да можно и позже поговорить.

Геншель. Нет-нет, что вы! По мне, хоть сейчас. Я уже кончил.

Зибенгар. Лучше, пожалуй, если вы подниметесь наверх. (*Входит и зажигает свечу от той, что горит на столе.*) Я вот только свечу зажгу. У меня в кабинете нам никто не помешает. Как вы себя чувствуете, госпожа Геншель? Понравился ли вам куриный бульон?

Фрау Геншель. Подумать только, а я о нем и забыла!

Зибенгар. Не может быть!

Ганна (*заметив горшок с супом*). Ну, конечно, вот он стоит!

Геншель. Вот вам бабы! Хочет поправиться, а сама забывает и есть и пить.

·Сильный порыв ветра.

Зибенгар. Знаете, моя жена поехала в Вальденбург. А непогода-то усиливается. Я начинаю беспокоиться. Да и как же иначе?

Геншель. На дворе-то, наверно, не так страшно, как отсюда кажется.

Зибенгар. Нет-нет, нечего выкидывать фокусы! Разве вы не слышали звона? Это ветром у меня большое окно разбило, знаете, там, в столовой, у террасы. Буря не на шутку.

Геншель. Ах ты, господи!

Фрау Геншель. Опять, значит, раскошеливайся.

Зибенгар (*уходя по коридору налево*). Даром — только смерть.

Геншель. У него тоже хлопот полон рот!

Фрау Геншель. Что это ему, отец, опять от тебя понадобилось!

Геншель. Мало ли что. Кто знает! Вот схожу послушаю.

Фрау Геншель. Только бы снова денег не стал просить.

Геншель. Э, не болтай глупостей, мать!

Ганна. Уж если им не хватает, то зачем жена покупает шляпы по четыре талера?!

Геншель. Помалкивай! Тебя не спрашивают! Следи за своей квашней, а в чужие дела носа не суй. Дом-то какой, его содержать надо. Восемь недель в году еще что-нибудь да перепадает, а там и живи как знаешь.

Гауфе. Да ведь он еще и строиться вздумал.

Фрау Геншель. Лучше б уж не затевал. Тут-то он и сел на мель.

Геншель. Ничего бабы не понимают в таких делах. Надо было строиться, иначе невозможно. Нынче вон сколько народу на воды приезжает, раньше и половины того не было. Только у прежних деньги были, а теперь все норовят нашармака. Налей-ка мне капельку, я выпью!

Гауфе (*неторопливо складывает свой карманный нож, собираясь встать*). Сорок комнат, три больших зала, а в них одни только крысы да мыши. Как же ему расходы оправдать? (*Поднимается.*)

В комнату заглядывает Франциска Вермельскирх; это веселая, красивая шестнадцатилетняя девушка. Ее длинные темные волосы не собраны в косу. Костюм ее несколько эксцентричен: белая коротенькая юбочка, блузка с острым вырезом, пестрый длинный шарф. Руки довольно высоко обнажены; на шее у нее цветная тесемка с золотым распятием.

Франциска (*очень оживленно*). Господин Зибенгар был сейчас здесь, правда ведь? Приятного аппетита, господа. Я хотела только спросить, не был ли здесь внизу господин Зибенгар?

Фрау Геншель (*с неприязнью*). Мы не знаем. У нас его не было.

Франциска. Не было? А я думала... (*Кокетливо ставит ногу на скамью у печи и завязывает шнурок.*)

Фрау Геншель. Только и слышишь от вас — «господин Зибенгар» да «господин Зибенгар». Дался же он вам!

Франциска. Мне? Вот уж нет. Просто он очень любит гусиную печенку, а мама сейчас как раз ее го-

говит. Вот папа меня и послал, чтобы я ему сказала. Кстати, господин Геншель, вы бы тоже как-нибудь к нам зашли.

Фрау Геншель. Нет уж, отца-то хоть оставь в покое! Вот еще новости! Ему сейчас не до трактиров.

Франциска. А сегодня как раз начали новую бочку пива.

Гауфе ухмыляется, Ганна громко смеется.

Геншель. Ты бы, мать, лучше о себе заботилась. Если уж захочу выпить стаканчик пива, то, поверь, ни у кого не спрошусь.

Франциска. Как ваше здоровье, фрау Геншель?

Фрау Геншель. Завтра вот обвяжусь шарфом и пойду плясать на канате.

Франциска. И я с вами. У меня ловко получается. Я все на каретных дышлах упражняюсь.

Геншель. То-то все дышла прогнулись!

Франциска. Смотрите, вот как надо, чтобы сохранить равновесие. *(Направляется к двери, подражая движениям канатной плясуньи.)* Правой, левой! Au gevoig! *(Уходит.)*

Гауфе *(снимая фонарь)*. Свихнется она, как пить дать, коли замуж не выскочит. *(Уходит.)*

Фрау Геншель. Ее бы заставить работать как следует. Я б из нее живо дурь вышибла.

Ганна. А к господам-то ее не пускают, мадам не позволит.

Фрау Геншель. И правильно делает. Я бы тоже не позволила.

Ганна. Бегает за барином, как собачонка. Все угодить старается, да только меры не знает.

Фрау Геншель. Выгнать бы Зибенгару эту семейку. Глядеть противно на баб, да и мужики хороши.

Геншель. О чем ты, мать?

Фрау Геншель. Да вот о шинке этом.

Геншель. Всем жить хочется, не нам одним. Что ж он их, на улицу выбросит, что ли? Вермельскирх не плохой человек.

Ганна. Зато его баба — старая ведьма.

Геншель. Не выгонять же их из-за нее или из-за

девчонки, если он аренду исправно платит. (*Встает и наклоняется над колыбелью.*) У нас вот тоже девчонка, так что же, разве нас прогонят из-за нее?

Фрау Геншель. Ну вот еще, сравнил! Наша зная себе спит и просыпаться не хочет.

Геншель. Да и толку от нее пока еще маловато. Ну, да ладно, ведь ты у меня, мать, умирать еще не собираешься! (*Снимая шапку с гвоздя.*) Ганна, а ведь я тебе соврал. Передник-то твой во дворе, в телеге.

Ганна (*быстро*). Где же там?

Геншель. В бадейке; сбегай погляди. (*Уходит в дверь, ведущую в коридор.*)

Ганна уходит в каморку.

Фрау Геншель. Он все-таки привез ей передник!

Ганна быстро возвращается из каморки и выходит в дверь, ведущую в коридор.

Он все-таки привез ей передник!

В комнату осторожно входит Зибенгар; в руках у него, как и в прошлый раз, свеча и ключ, а кроме того, две бутылки красного вина.

Зибенгар. Вы одни, фрау Геншель?

Фрау Геншель. Он все-таки привез ей...

Зибенгар. Это я, фрау Геншель. Вам, может быть, что-нибудь показалось?

Фрау Геншель. Добро бы, показалось!

Зибенгар. Я вас не разбудил? Это я, Зибенгар!

Фрау Геншель. Ну как же, как же!

Зибенгар. Я вам вина капельку принес, выпейте, это вас подкрепит. Да вы, кажется, все еще меня не узнаете?

Фрау Геншель. Ну, что вы! Как можно! Вы же... Ну, конечно! Вы же наш господин Зибенгар. Нет, до этого еще не дошло. Вас-то я узнаю. Не пойму, приснилось мне, что ли?..

Зибенгар. Очень может быть. Ну, а теперь как вы себя чувствуете?

Фрау Геншель. Вы ведь Зибенгар, правда?!

Зибенгар. А вы меня, кажется, за своего мужа приняли?

Фрау Геншель. Не знаю, право, не могу сказать. Мне показалось...

Зибенгар. Кажется, вы неудобно лежите. Позвольте, я немного поправлю подушку. Что, доктор по-прежнему постоянно вас навещает?

Фрау Геншель (*сквозь слезы*). Не знаю, они меня совсем тут одну забросили. Нет-нет, вы — Зибенгар, я знаю. Знаете что? Я вам кое-что скажу, вы всегда были ко мне добры! У вас доброе сердце, хотя вы иногда на вид и сердиты. Вам я могу сказать: я боюсь! Я все думаю: очень уж затянулась эта музыка.

Зибенгар. О чем это вы?

Фрау Геншель (*разрыдавшись*). Слишком долго я живу! А когда умру, что с Густель будет?

Зибенгар. Милая фрау Геншель, ну что вы говорите!

Фрау Геншель (*тихо всхлипывая*). Что с Густель будет, когда я умру?

Зибенгар. Фрау Геншель, вы же разумная женщина. Послушайте меня, фрау Геншель. Видите ли, когда лежишь неподвижно в постели неделю за неделей, вот как вы сейчас, в голову всякие глупости и лезут. Какой только вздор не представится. Тут-то и нужно взять себя в руки, фрау Геншель! Вот еще новости! Какая чепуха! Выкиньте из головы сию же минуту! Вот еще блажь!

Фрау Геншель. Эх, милые вы мои, не верите вы мне, а я-то знаю, что говорю.

Зибенгар. Ничего вы не знаете. В том-то и беда, что вы сейчас ничего не понимаете. А потом вспомните — сами смеяться будете. Вот увидите.

Фрау Геншель (*в страстном порыве*). Разве он не бывал у нее в каморке?

Зибенгар (*растерянно и удивленно, но не поверив ни на секунду*). Кто? У кого?

Фрау Геншель. Ну, Геншель! У девки!

Зибенгар. Ваш муж! У Ганны! Ну, знаете ли, тот, кто вам это сказал, гнусный лжец.

Фрау Геншель. А когда я умру, он на ней женится!

В дверях появляется Геншель.

Зибенгар. У вас большое воображение, фрау Геншель!

Геншель (*добродушно и удивленно*). Что с тобой, Мальхен? Почему ты плачешь?

Зибенгар. Геншель! Не оставляйте жену одну!

Геншель (*подходя к постели, ласково*). Ну, кто же тебя обидел?

Фрау Геншель (*сердито поворачивается на другой бок, лицом к стене, спиной к мужу*). Отстань от меня!

Геншель. В чем дело?

Фрау Геншель (*захлебываясь слезами, кричит*). О, уходи!

Геншель явно обескуражен, он вопросительно смотрит на Зибенгара, который, качая головой, протирает пенсне.

Зибенгар (*тихо*). Оставьте сейчас вашу жену в покое.

Фрау Геншель (*так же*). Вам бы в могилу меня свести!

Зибенгар (*Геншелю, уже готовому вспыхнуть*). Тсс!.. Сделайте милость, молчите!

Фрау Геншель. У меня ведь глаза на месте. Не слепая. Сама все вижу. Больше ни на что не гожусь. Пора убираться!

Геншель (*стараясь сдержать себя*). О чем ты, Мальхен?

Фрау Геншель. Да-да, притворяйся!

Геншель (*крайне растерянно*). Ну скажи хоть слово одно...

Фрау Геншель. Будь что будет... а обманывать себя не позволю, как бы вы ни прятались. Я вас и сквозь стены вижу. Что — нет, неправда? Вы думаете — баба, ее легко обмануть. Не тут-то было! Одно запомни: если я умру, то и Густель умрет. Я ее с собой возьму. Лучше удушить, чем отдать этой девке проклятой!

Геншель. Что это тебе, мать, в голову взбрело?

Фрау Геншель. Вам бы в могилу меня свести!

Геншель. Да перестань, наконец, не выводи меня из терпения!

Зибенгар (*тихо, увещающе*). Спокойнее, Геншель. Ведь она больна.

Фрау Геншель (*услыхав эти слова*). Больна? А кто сделал меня больной? Вы оба: девка и ты.

Геншель. Хотел бы я знать, кто вбил тебе в голову такую чушь. Девка и я? Разрази меня гром, если между нами что было.

Фрау Геншель. А кто привозит ей ленты и передники?

Геншель (*снова растерявшись*). Ленты и передники?

Фрау Геншель. Да, ленты и передники.

Геншель. Да перестань же!

Фрау Геншель. Что она ни сделает, ты всем доволен. Разве ты хоть раз на нее рассердился? Разве она в доме не за хозяйку?

Геншель. Замолчи, мать, послушай меня!

Фрау Геншель. Тебе бы молчать, ты же ничего не понимаешь!

Зибенгар (*возле постели*). Фрау Геншель, возьмите себя в руки! Ведь это все из пальца высосано.

Фрау Геншель. Вы и сами не лучше, сами ведете себя точно так же! А бедные жены из-за вас пропадают! (*Расплакавшись*.) Ну и пусть пропадают.

Зибенгар смеется отрывистым, невеселым смехом; он подходит к столу и с покорным видом откупоривает одну из бутылок, которые принес.

Геншель (*присев на край кровати, успокаивающе*). Мать, а мать! Повернись-ка сюда! Давай поговорим по-хорошему. (*Поворачивает ее силой, но ласково*.) Знаешь, мать, тебе просто что-то приснилось. Приснился какой-то сон. Наш пес, и тот иногда сны видит. Ну, а теперь проснись! Поняла, мать? Ты столько вздору наплела, что, если его взгромоздить на телегу, самая большая и то не выдержит. У меня и сейчас еще голова кругом идет.

Зибенгар (*поискав и найдя стакан, наливает в него вина*). И меня заодно отчитали.

Геншель. Не обижайтесь, прошу вас. Вот ведь какая женщина, попробуй — управься! — А ты выздоравливай скорее. А то еще, чего доброго, в один прекрасный день заявишь мне, что я украл лошадей в Болькенгайне.

Зибенгар. Вот выпейте-ка вина для подкрепления.
Фрау Геншель. Если бы только знать!

Зибенгар поддерживает ее, пока она пьет.

Геншель. Ну, что еще?

Фрау Геншель (*выпив вина*). Можешь ты обещать мне?

Геншель. Все что угодно!

Фрау Геншель. Если бы я умерла, ты бы на ней женился?

Геншель. Зачем спрашиваешь глупости?

Фрау Геншель. Да или нет?

Геншель. На Ганне? (*Шутя.*) Еще бы!

Фрау Геншель. Ты без шуток...

Геншель. Нет, вы только послушайте, господин Зибенгар! Что тут ответить? Да ведь ты же не умрешь!

Фрау Геншель. Ну, а если умру?

Геншель. Я не женюсь на ней. Ну вот, теперь ты знаешь. И довольно об этом.

Фрау Геншель. Можешь обещать?

Геншель. Что обещать?

Фрау Геншель. Что не женишься на ней.

Геншель. Обещаю.

Фрау Геншель. Дай руку и поклянись.

Геншель. Да ведь говорю же тебе. (*Берет ее за руку.*) Ну, а теперь довольно. И больше не приставай ко мне с такой чепухой.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Прекрасное майское утро. Та же комната, что и в первом действии; кровати, на которой лежала госпожа Геншель, уже нет. Окно над прежним местом кровати открыто. Ганна, засучив рукава, лицом к окну, стирает белье в лохани. Входит Франц в рубахе с засученными рукавами, в подвернутых брюках и деревянных башмаках на босу ногу; в руке у него деревянное ведро: он мыл карету.

Франц (*грубовато-весело*). Вот, Ганна, к тебе в гости пожаловал. Бог в помощь. Не разживусь ли у тебя горячей водичкой?

Ганна (*с досадой бросает в корыто белье, лежавшее на стиральной доске, и идет к печи*). Не захаживал бы ты сюда так часто.

Франц. Вот тебе на! Что же это случилось такое?

Ганна (*наливая горячей воды ему в ведро*). Давай-ка лучше без расспросов. Некогда мне!

Франц. Я тоже не сижу сложа руки, карету мою.

Ганна (*резко*). Оставь ты меня в покое, сколько раз тебе говорила.

Франц. Да что я тебе делаю, скажи на милость!

Ганна. Не бегай за мной!

Франц. Видать, забыла, что между нами?

Ганна. А ничего и нет. Да и что может быть? Я иду своей дорогой, а ты своей, вот и весь разговор.

Франц. Новое дело!

Ганна. Для меня — старое.

Франц. Оно и видно. Да что же это такое стряслось, Ганна?

Г а н н а. А ничего! Ничего не стряслось. Сказала — оставь меня в покое, и все!

Ф р а н ц. Разве я тебя чем обидел? Разве изменял тебе?

Г а н н а. А мне-то что! Мне-то какое дело? Путайся с кем душе угодно! Нисколечко не обижусь.

Ф р а н ц. С каких это пор, Ганна?

Г а н н а. С тех самых, как на свет родилась!

Ф р а н ц. *(взволнован, в голосе его слышны слезы).*
Ты врешь, Ганна!

Г а н н а. Поговори-поговори! Этак ты ничего от меня не добьешься. Попрекать себя ложью я тебе не позволю. Одним словом — конец. А если у тебя такая толстая шкура, что ты ничего не можешь взять в толк, то заруби себе на носу: между нами все кончено!

Ф р а н ц. Ты это серьезно?

Г а н н а. Между нами все кончено, так и запомни, Франц!

Ф р а н ц. Так и запомню! *(Волнуется все больше и больше; под конец скорее плачет, чем говорит.)* Не думай, что я такой дурак, я и раньше кое-что замечал. Только все думал — ты образумишься...

Г а н н а. Вот и образумилась.

Ф р а н ц. Оно, конечно, смотря как поглядеть: ведь я-то гол как сокол, а у Геншеля денег полный ларь. Пожалуй, ты и впрямь за ум взялась.

Г а н н а. Ну, коли ты так речь повел, то дела твои совсем никуда.

Ф р а н ц. А что, неправда? Не задумала, что ли, за Геншеля выйти? Что, попал в точку?

Г а н н а. Это мое дело, тебя не касается. Пусть каждый сам о себе заботится.

Ф р а н ц. Вот я о себе и позабочусь. Пойду и скажу Геншелю: так, мол, и так, Ганна обещала, что пойдет за меня, у нас уже дело слажено было...

Г а н н а. Попробуй только!

Ф р а н ц. *(готовый разрыдаться от злости и обиды).*
И попробую! Ты заботишься о себе, а я о себе. Если ты такая, то и я такой. *(Внезапно другим тоном.)* Только не нужна ты мне больше, хоть бы и сама на шею бросилась. Такая баба поганая мне ни к чему! *(Быстро уходит.)*

Ганна. Ишь ты, наконец помогло! (*Продолжает стирать белье.*)

В коридоре, в глубине сцены, появляется Вермельскирх. Это человек лет пятидесяти, в котором безошибочно можно узнать бывшего актера. На нем выдавший виды халат и вышитые туфли; он курит трубку. Он заглядывает в комнату, но Ганна некоторое время его не замечает.

Вермельскирх. Слыхали, как кашляют?

Ганна. Кто кашляет-то?

Вермельскирх. Да вот наверху, постоялец появился.

Ганна. Что ж, самая пора приезжать на воды — середина мая.

Вермельскирх (*медленно переступает порог и, покашливая, вполголоса напевает*).

«Ах, у чахотки я в плену,

Видивидивит, бум-бум!»

Я скоро ноги протяну,

Видивидивит, бум-бум!»

Ганна смеется над лоханью.

Послушаешь, знаете, кашель, и на душе легче становится: сразу видно, что весна в разгаре.

Ганна. Одна ласточка еще весны не делает!

Вермельскирх (*садится, освободив себе место на скамейке возле печки*). Где же Геншель?

Ганна. Он сегодня на кладбище.

Вермельскирх. Ах да, ведь сегодня день рождения его жены.

Пауза.

А старик-то сильно сдал! Не знаете, когда он вернется?

Ганна. Я вообще не знаю, зачем он туда поехал. Лошади нам сейчас вот как нужны! И двуколку новую взял!

Вермельскирх. Эй, Ганна, от злости аппетит портится.

Ганна. Да ведь я правду говорю. Он все забросил. Омнибус нужно подать вовремя. Коляска до сих пор стоит в грязи. А Гауфе пальцем не шевельнет. Старик упряй как козел.

Вермельскирх. Да-да, самая работа сейчас-то и

начинается! Шеф-повар тоже сегодня вступает в должность. И у меня в пивной хлопот прибавилось.

Ганна (*со смешком*). Глядя на вас, не скажешь, что у вас много дела.

Вермельскирх (*не обидевшись*). Значит, время еще не пришло. Настанет мой час, eleven o'clock¹, и дело двинется полным ходом. Дым пойдет коромыслом.

Ганна. Насчет дыма это верно. Трубкой небось дымить будете.

Вермельскирх (*ухмыльнувшись*). Вы остры на язычок, сударыня! Очень остры! А знаете, сколько у нас человек сегодня обедает? Погодите, сейчас сосчитаю: во-первых, контрабас, во-вторых, виолончель, в-третьих, две первых, нет, две вторых скрипки. Три первых, две вторых, нет, три вторых, две первых — совсем в них запутался. Короче говоря, десять человек из курортного оркестра. Почему вы смеетесь? Думаете — привираю? А знаете, сколько жрет один контрабас? Это что-то невероятное! Легко ли тут управиться?

Ганна (*вдоволь нахохотавшись*). Конечно, у кухарки работы хватит.

Вермельскирх (*просто*). Жена, дочь, все мое семейство — мы все трудимся не за страх, а за совесть. А пройдет лето — и окажется, что напрасно из кожи вон лезли.

Ганна. Не понимаю, чего вы плачетесь. Ни у кого во всем доме дела не идут так хорошо, как у вас. В пивной всегда народ — что зимой, что летом. Будь я на месте Зибенгара, я бы вам задала перцу. Несчастливыми тремя сотнями талеров за аренду вы бы у меня не отделались. Меньше тысячи я бы с вас не взяла. И все-таки вы бы не остались в накладе.

Вермельскирх (*поднялся и, насвистывая, расхаживает по комнате*). Может быть, еще что-нибудь придумаете? У меня от страха трубка погасла.

Жорж, молодой, разбитной официант, с подносом в руках, быстро спускается по лестнице за стеклянной дверью. Еще за дверью он останавливается в некотором смущении, но все же отворяет ее и осматривает коридор, глядя сначала направо, потом налево.

Жорж. Ах черт побери! Куда ж это меня занесло?

¹ Одиннадцать часов. (Англ.)

Ганна (*смеется, наклонившись над лоханью*). Вы не туда попали, вам назад надо!

Жорж. Ей-богу, голова закружится, сам черт не разберется в этой берлоге!

Ганна. Видать, недавно прибыли?

Жорж. Ну да, только вчера. Но такого, знаете, нигде со мной не случилось, хоть и в разных домах приходилось бывать. Здесь — как в горах, без проводника ни на шаг.

Вермельскирх. Судя поговору, вы из Дрездена?

Жорж. Я родился в Мейсене.

Вермельскирх. Ах вот как!

Жорж. Как же отсюда выбраться? Скажите, пожалуйста.

Ганна (*кокетливо-оживленно, не без развязности*). Той же дорожкой, по лестнице вверх. Нам здесь, внизу, такие мотыльки не нужны.

Жорж. Это, насколько я понимаю, бельэтаж?

Ганна. А вы думали — конура собачья? Думали — мы на вас залаем или еще что-нибудь такое? Нет, здесь, внизу, живет самая знать!

Жорж (*фамильярно-шутливо*). Фрейлейн, фрейлейн, знаете что, пойдете-ка вместе, покажете мне дорогу. С вами я бы ничего не испугался, даже если бы вы бог знает куда меня завели. Хоть в подвал, хоть на сеновал.

Ганна. Ступайте-ка своей дорогой! Хорош гусь, нечего сказать! У нас и своих кобелей довольно.

Жорж. Фрейлейн, хотите, я помогу вам белье полоскать?

Ганна. Что ж, попробуйте, только как бы рысью бежать не пришлось. У меня и хлыстик есть. (*Наполовину вынимая из воды простыню*.) Но уж с белой манишкой проститься придется.

Жорж. Ну-ну! Неужели вы вымажете меня, как свинью? Можно ли так? Ну ладно, мы с вами об этом потолкуем, правда, фрейлейн? Ну конечно, еще бы! Мы еще потолкуем. Когда у меня время будет, позднее, в другой раз. (*Уходит вверх по лестнице*.)

Вермельскирх. В другой раз небось не заблудится! Зибенгар уж покажет ему дорогу из столовой в кухню. Ганна, когда же Геншель вернется?

Ганна. К обеду, наверно. Передать ему что-нибудь? Вермельскирх. Да, передайте ему — только не забудьте! — передайте ему привет от меня.

Ганна. Э, шалите! Я уж догадываюсь.

Вермельскирх (с легким поклоном, проходя мимо нее). Догадки — товар беспошлинный. Мое почтение! (Уходит.)

Ганна (с ожесточением продолжает стирать). Если бы этот Геншель не был таким простаком...

Снаружи, опустившись на колени, в окно заглядывает разносчик
Фабиг.

Фабиг. Сударыня! Доброе утро! Как живется-можетс?

Ганна. Кто вы такой?

Фабиг. Я Фабиг из Квольсдорфа. Неужели не узнаете? Пришел с поклоном от вашего батюшки. Еще он велел передать... может быть, мне войти в комнату?

Ганна. Ладно, и так знаю: опять денег просит. У меня у самой нет.

Фабиг. Вот и я ему то же самое говорил. А он не поверил. Вы одни, сударыня?

Ганна. А в чем дело?

Фабиг (понижив голос). Да вот побеседовать кое о чем надо. А говорить через окошко — люди услышат.

Ганна. Ну что ж, входите!

Фабиг исчезает за окном.

Надо же было ему явиться как раз сегодня! (Вытирает руки.)

Входит Фабиг. Это бедно одетый, на редкость подвижной, забавный разносчик лет тридцати шести, с жиденькой бородкой.

Фабиг. Доброе утро, молодая хозяйка!

Ганна (резко). Во-первых, никакая я не хозяйка.

Фабиг (лукаво). Ну что ж, скоро будете.

Ганна. Все это болтовня пустая, и больше ничего.

Фабиг. За что купил, за то и продаю. Люди так говорят. Ведь Геншельша-то умерла.

Ганна. По мне, пускай говорят! Я знай работаю. Какое мне дело!

Ф а б и г. Так-то оно и лучше. Я тоже всегда так поступаю. Чего только люди на меня не наговаривали! Я, мол, в Альтвассере голубей стащил. Или вот увядалась как-то за мной собачонка — сейчас же пошли разговоры: украл, мол.

Г а н н а. Если у вас есть ко мне дело, выкладывайте!

Ф а б и г. Правда? Вот и я всегда это говорю. До чего же любят люди разводить антимонии! У самих какое-нибудь тряпье несчастное, а шуму вокруг него столько, словно имение продают. Не буду вас долго задерживать. Итак, молодая хозяйка... Ай-ай-ай, не сердитесь, опять я оговорился! Я хотел сказать: молодая сударыня! Итак, речь идет о дочке.

Г а н н а (*резко*). У меня нет дочки, если вам угодно знать! Девчонка, что у отца живет, — это сестры дочь.

Ф а б и г. Ну, тогда дело другое. А мы-то все думали, что девчонка ваша. А где же сестра-то?

Г а н н а. Кто ее знает! Скрылась и носу не кажет. Справляйтесь, мол, как хотите.

Ф а б и г. Ах ты, господи, вот ведь какая штука. А я-то поклясться готов был — да и не я один, мы все, весь Квольсдорф, что мамаша — вы.

Г а н н а. Да-да, я уж знаю, кто на меня наговаривает. Я их всех по именам назвать могу! Хотят шлюхой меня представить. Вот доберусь до них, спуску не дам; пускай так и зарубят себе на носу.

Ф а б и г. Неприятно, что и говорить! А дело-то вот какое, хозяйюшка. Старик-то, отец ваш, сами знаете, трезв не бывает. Пьет запоем. Мать-то уж третий год как умерла. Прежде ребенка, девчонку то есть, дома оставлял. А теперь не с кем: пуст дом-то! Вот он и таскает ее с собой по шинкам да трактирам, из кабака в кабак. Прямо глядеть больно, собака и та бы сжалась.

Г а н н а (*резко*). А я виновата, что он пьет?

Ф а б и г. Боже сохрани! Старика-то теперь никто не спасет; я про девчонку, очень уж ее жалко. Если ее не возьмут у него добрые люди, ей и десяти недель не прожить.

Ганна (*упрямо*). Меня это не касается! Я взять ее не могу! У меня своих забот хватит.

Фабиг. Вы собрались бы как-нибудь в Квольсдорф да взглянули сами! Это самое лучшее. И девчонка-то красоточка, что ручки, что ножки — чистый фарфор, такие маленькие, хорошенькие!

Ганна. Не мой ребенок, какое мне дело!

Фабиг. Да вы бы сходили в Квольсдорф, хоть советом бы помогли! А то ведь просто глаза не глядят. Придешь, бывает, в трактир иной раз среди ночи — такое уж наше ремесло, ничего не поделаешь — и видишь: сидит девчонка с отцом вашим, табачный дым глотает. Прямо сердце кровью обливается.

Ганна. Не давали бы трактирщики ему пить. Взять бы палку хорошую да проучить его как следует, живехонько бы пришел в себя. Никак, коляска во двор въехала? Вот вам на чай, и долой отсюда, я подумаю, как быть? Сейчас мне не до этого. Но, если вы начнете болтать здесь в трактире, забудьте ко мне дорогу.

Фабиг. Зачем мне болтать, какое мне дело? Вам ли ребенок, сестры ли, я с метрической книгой справляться не стану, а болтать поостерегусь. Но вот вам добрый совет: лучше всего сказать об этом Геншелю сейчас, ведь он с вас головы не снимет.

Ганна (*все более волнуясь, так как голос Геншеля уже слышен*). Ох, эти сплетни! Места себе не нахожу от злости. (*Уходит в каморку.*)

Медленно, задумчиво входит Геншель. На нем черный костюм, цилиндр и белые вязаные перчатки. Остановившись, он смотрит на Фабига, как бы что-то припоминая.

Геншель (*просто и спокойно*). Кто вы?

Фабиг (*быстро*). Покупаю тряпки, бумагу, мебель, ношеную одежду — все, что попадется.

Геншель (*смерив его долгим взглядом, добродушно, но твердо*). Ступай-ка ты вон!

Фабиг уходит, смущенно улыбаясь.

Геншель (*снимает цилиндр, вытирает лоб и затылок пестрым платком; затем ставит шляпу на стол и зовет, повернувшись к двери каморки*). Ганна! Где ты?

Ганна. Я здесь, у Густель, в каморке.

Геншель. Хорошо, я подожду. (*Садится, глубоко вздыхает.*) Да-да! Горе ты мое, горе!

Ганна (*входит, очень суетится*). Сейчас обед по-дам.

Геншель. Не могу я есть. Не хочется.

Ганна. Без еды да питья нет и житья. Я вот у одного овчара служила, так он нам сколько раз твердил: когда у тебя на сердце горе или еще что-нибудь такое, возьми да поешь, хоть через силу.

Геншель. Ну, вари свой обед, там видно будет!

Ганна. Нельзя так убиваться, надо себя в руки взять.

Геншель. Что, Горанд, переплетчик, не приходил?

Ганна. Все в порядке. Сорок новых билетов сделал. Вон на комоде лежат!

Геншель. Начинается мое мучение: что ни утро, тащись с омнибусом во Фрейбург, нагружай старую колымагу больными и перетаскивай их через гору.

Ганна. Слишком уж много вам самим работать приходится. Старик Гауфе еле шевелится. Не мое это дело, а скажу: уволила бы я его на вашем месте.

Геншель (*встает, подходит к окну*). Надоел мне этот извоз. По мне, пропади он пропадом. Хоть сегодня, хоть завтра — мне все равно. Лошадей — к живодеру, повозки — на дрова. А для себя — веревочку поискать покрепче. Схожу-ка я наверх, к Зибенгару.

Ганна. Мне нужно сказать вам одну вещь...

Геншель. Что такое?

Ганна. Мне, право же, нелегко. (*Притворно-плаксиво.*) Но мой брат требует меня к себе. (*Голосит.*) Мне придется уйти.

Геншель (*крайне озадаченный*). В своем ли ты уме? Не болтай глупости.

Ганна продолжает всхлипывать, прикрывая глаза передником.

Скажи, Ганна, неужели ты уйдешь от меня как раз теперь? Ведь что же это получится! Кто будет хозяйство вести? Наступает лето, самая страдная пора, а ты хочешь меня одного оставить?

Ганна (*с прежней игрой*). Вот только девочку жалко.

Геншель. Кто же о ней позаботится, если ты уйдешь?

Ганна (*как бы насилу совладав с собой*). Да ведь нельзя иначе!

Геншель. Все на свете можно, стоит только захотеть. Прежде ты мне никогда об этом не говорила. А теперь, откуда ни возьмись, — брат! Может, я тебя чем обидел! Или не нравится тебе у меня?

Ганна. Разговоры по крайней мере кончатся.

Геншель. Какие еще разговоры?

Ганна. А я почему знаю! Лучше мне держаться по-дальше.

Геншель. Не понимаю, о чем ты говоришь.

Ганна. Я делаю свою работу, получаю за нее жалованье и не хочу, чтобы обо мне болтали. Когда еще хозяйка жива была, я целыми днями трудилась без передышки, да и теперь, после ее смерти, тоже не сижу сложа руки. Пускай люди говорят, что я, мол, подлаживаюсь, в хозяйки мечу. Я себе другое место найду.

Геншель (*с облегчением*). Только-то всего? Ну, если так, нечего тебе беспокоиться.

Ганна (*берется за какую-то работу, чтобы под этим предлогом удалиться*). Нет-нет, я уйду! Нельзя мне оставаться. (*Уходит.*)

Геншель (*ей вслед*). Пускай себе люди языки чешут! Что им и делать, как не болтать. (*Снимает черный сюртук и вешает его, со вздохом.*) А забот-то все равно не убудет!

Медленно входит Зибенгар; в руках у него бутылка с минеральной водой и стакан.

Зибенгар. Доброе утро, Геншель.

Геншель. Благодарю вас, господин Зибенгар.

Зибенгар. Я вам не помешал?

Геншель. Что вы? Еще что выдумаете! Милости прошу.

Зибенгар (*ставя на стол бутылку и стакан*). Опять мне лечиться приходится. Снова с горлом что-то неладно. Ну, да ведь должен же человек от чего-нибудь умереть.

Геншель. Нужно воду пить из источника. Она-то уж вылечит.

Зибенгар. Я и так пью.

Геншель. Только не мюльбрунненскую и не обер-брунненскую! Наш источник всех лучше.

Зибенгар. Давайте-ка о чем-нибудь другом поговорим. (*Задумавшись, берет ветку плюща и играет ею, потом замечает ее, окидывает взглядом цилиндр и Геншеля и, как бы спохватившись, говорит.*) Сегодня день рождения вашей жены?

Геншель. Сегодня ей исполнилось бы тридцать шесть лет.

Зибенгар. Просто не верится.

Геншель. Да-да!

Пауза.

Зибенгар. Геншель, сейчас вам лучше побыть одному, а как-нибудь в другой раз, ну хоть завтра, я поговорю с вами об одном деле.

Геншель. По мне, уж лучше сейчас.

Зибенгар. Я насчет той тысячи талеров...

Геншель. Дальше и не говорите, господин Зибенгар. Держите их на здоровье до зимы. Зачем я буду врать, сейчас они мне не нужны. А что за вами деньги не пропадут, это я знаю.

Зибенгар. Ну, Геншель, в таком случае очень я вам обязан. Вы мне большую услугу оказываете. За лето деньги поступят, вы ведь знаете, а сейчас мне, право, пришлось бы туго.

Геншель. Ну вот и договорились.

Пауза.

Зибенгар (*шагая по комнате*). Да-да, иной раз сам удивляюсь: ведь в этом доме я вырос, а сейчас, если бы хоть кое-как разделаться с долгами, я бы уехал отсюда с легким сердцем.

Геншель. А я — нет. Я просто бы не знал, куда деться!

Зибенгар. У вас дела пошли в гору, Геншель. Я еле сводил концы с концами, а вам везло.

Геншель. У каждого своя беда. Как тут определить, кому хуже? У меня вот свое горе. Пройдет ли оно, кто знает... Никак в себя прийти не могу...

Пауза.

Зибенгар. Время возьмет свое, Геншель! Не надо только поддаваться горю. Вам нужно больше бывать на людях, больше видеть, больше слышать, при случае и стакан пива выпить. С головой уйти в работу, а не изводить себя скорбными мыслями. Слезам горю не можешь; стало быть, надо вперед глядеть!

Геншель. Так-то оно так. Ваша правда!

Зибенгар. Разумеется! Ваша жена была вам верным, хорошим другом, это все в один голос скажут. Но ведь вы живой человек, Геншель. Вы мужчина в цвете лет. Вам еще много дел предстоит в жизни. Мало ли что еще вас ждет. Совсем не обязательно забывать свою жену — напротив. Да такой человек, как вы, никогда ее и не забудет. Но чтить ее память надо разумно. Ведь ее все равно не воскресишь! Я, знаете, давно за вами наблюдаю и про себя решил поговорить с вами по душам. Очень уж вы убиваетесь.

Геншель. Куда же от этого денешься? Вы правы, я не спорю, но иногда просто руки опускаются. За дело примешься — все кого-то не хватает. Четыре-то глаза видят лучше двух, да и четыре руки — не то, что две. А летом сколько возни с каретами! Кто дома за хозяйством присмотрит? Шуточное ли дело!

Зибенгар. Да ведь Ганна, по-моему, с работой справляется.

Геншель. А она вот как раз отказывается от места! Нет, тяжело без жены! Ни на кого положиться нельзя. То-то и беда.

Зибенгар. Женитесь, Геншель!

Геншель. Оно бы и лучше, пожалуй. Без жены как проживешь? Нашему брату без жены никак нельзя. Я уж и то собирался подняться наверх, поговорить с ма-

дам, может, она что посоветовала бы... Так все внезапно случилось! Так вдруг среди всех дел взяла и умерла! Сказать вам правду — извозное дело пошло на убыль. Скоро и здесь железная дорога пройдет. Мы, признаться, скопили немного денег, хотели гостиницу небольшую купить — годика через два. А без жены и затевать нечего.

Зибенгар. Все равно долго так жить нельзя. Не останетесь же вы вдовцом на всю жизнь. Хотя бы из-за ребенка жениться нужно.

Геншель. Да ведь и я то же говорю.

Зибенгар. Не хочется мне вмешиваться, но, в конце концов, мы старые друзья. Откладывать только из-за того, что люди осудят, — это глупо, Геншель, право же, глупо. Если вы намерены жениться, серьезно намерены, то, чем скорее вы это сделаете, тем лучше — и для вас лучше и для ребенка. Конечно, излишне торопиться не следует, ни в коем случае! Но уж если все взвешено и решено, тогда — вперед, пруссаки! Зачем тогда медлить? *(После небольшой паузы, во время которой Геншель почесывает себе затылок.)* Есть у вас кто-нибудь на примете?

Геншель. Есть ли кто на примете? Как вам сказать. Может, и есть, да только взять ее не могу.

Зибенгар. Почему же?

Геншель. Да ведь вы сами знаете.

Зибенгар. Я? Откуда же мне знать?

Геншель. Подумайте чуточку.

Зибенгар *(качает головой)*. Никак не соображу.

Геншель. Я ведь жене обещание дал.

Зибенгар. Ах, вот оно что! Вы имеете в виду работницу вашу? Ганну?

Пауза.

Геншель. Крепко засела у меня эта мысль. Что мне таиться? Иногда проснусь среди ночи и два часа не могу уснуть. Все думаю об этом. Никак не могу выкинуть из головы. Девка она хорошая. Малость, правда, молода для меня, старика, зато в работе четверых мужиков за пояс заткнет. Да и за Густель приглядит не хуже матери. К тому же с головой девка, голова у

нее лучше моей. И считать умеет лучше моего. Счетовод настоящий. Все до последней полушки помнит, хоть через шесть недель спроси. Такая двух стряпчих обведет вокруг пальца.

Зибенгар. Ну что ж, если вы во всем этом так убеждены...

Геншель. Лучшей жены я бы и не желал! Да вот не могу выкинуть из головы...

Пауза.

Зибенгар. Да-да, теперь я смутно припоминаю. Это было, кажется, в самые последние дни. Но, говоря откровенно, я не придавал этому такого серьезного значения. Ведь ваша жена находилась тогда в очень неспокойном состоянии. А объяснялось оно, конечно, болезнью. Главный вопрос, по-моему, не в этом. Главный вопрос здесь совсем другой: действительно ли Ганна вам подходит. У нее много достоинств, спору нет! Но кое-что мне в ней не нравится. Впрочем, кто же без недостатков! Говорят, у нее есть ребенок?

Геншель. Есть. Я наводил справки. Ну и что из того? По мне, беды тут нет. Что ж ей — меня дожидаться было, что ли? Она тогда и ведать обо мне не ведала. Девка — кровь с молоком, как же ей не оскоромиться? Спелые груши на ветке не держатся. Нет, от этого мне горя мало.

Зибенгар. Так за чем же дело стало? Остальное — пустяки. Ну, если и не совсем пустяки — такое не забывается, я понимаю, — все равно от остального вы обязаны отрешиться. Не жениться из-за этого — просто глупость.

Геншель. Я и сам не раз говорил себе то же самое. Ведь она, знаете, всегда желала мне добра, — я про жену говорю, — когда она еще здорова была. Не встанет же она теперь мне поперек дороги. Где бы она ни была, она ведь желает, чтобы мои дела шли лучше.

Зибенгар. Разумеется.

Геншель. Вот я сегодня был на могиле. Мадам тоже прислала венок. Я думал: вот ты туда сходишь — может, она тебя надоумит, может, решение какое при-

мешь. Мать, говорю я, — в мыслях, конечно, — дай-ка мне знак! Да или нет? Как выпадет, так пусть и будет. Полчаса стоял. Я уж и молился и все ей объяснял — так, про себя, конечно, — и насчет ребенка, и насчет гостиницы, и что с делами не справляюсь. Но не дала она мне никакого знака.

Входит Ганна; искоса поглядывая на собеседников, она хлопчет востую — убирает табурет и лохань, суетится у печки.

Зибенгар (Геншелью). Пусть мертвые спят спокойно. Вы же мужчина, Геншель, вы ведь живой человек. Зачем вам знамения и чудеса? Мы можем все рассудить и собственным разумом. Идите своей дорогой, и баста! На своем судне вы капитан. Всякую блажь — за борт! Чем больше я думаю об этом деле, тем яснее оно мне становится...

Геншель. А ты, Ганна, что скажешь на этот счет?

Ганна. О чем? Откуда же мне знать, про что у вас разговор?

Геншель. Ну ладно, я тебе потом скажу.

Зибенгар. Всего доброго, Геншель. До свидания! Дай вам бог счастья!

Геншель. Будем надеяться.

Зибенгар. За вас я не боюсь. У вас всегда была счастливая рука. (Уходит.)

Геншель. Не сглазить бы, господин Зибенгар.

Ганна. Нужно сплюнуть три раза: тьфу, тьфу, тьфу!

Пауза.

Хотела бы промолчать, да уж больно-то вы добры.

Геншель. Это ты о чем?

Ганна. Обирают вас дочиста, вот что.

Геншель. Ты думаешь, он у меня денег просил?

Ганна. А чего же еще? Постыдился бы попрошайничать у бедняков.

Геншель. Сама не знаешь, что мелешь, Ганна.

Ганна. Небось знаю.

Геншель. То-то и оно, что не знаешь. Да и не можешь знать. Потом когда-нибудь поймешь. А теперь

схожу-ка я в трактир да выпью-ка кружку пива — первый раз за эти восемь недель. Потом пообедаем вместе, а уж после обеда потолкуем. Тогда и видно будет, как все устроится. Или у тебя нет охоты?

Ганна. Вы же сами сказали: тогда видно будет.

Геншель. И опять говорю: тогда увидим. (*Уходит.*)

Пауза. Ганна продолжает уверенно работать. Выждав, чтобы Геншель достаточно далеко ушел, она сразу же перестает хлопотать: не сдерживая радостного волнения, вытирает руки, срывает с себя передник.

Ганна (*с ликованием*). Теперь я вам покажу, держитесь!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же комната, что и в двух предыдущих действиях. Вечер, в конце ноября; в печи горит огонь, на столе стоит свеча. Дверь в задней стене закрыта. С верхнего этажа глухо доносится танцевальная музыка. Ганна, теперь уже фрау Геншель, сидит за столом и вяжет; она одета хорошо и аккуратно: на ней голубое ситцевое платье, на плечах красная косынка. Входит мастер Гильдебрант, кузнец, сухонький, небольшого роста человек.

Гильдебрант. Добрый вечер, Геншельша! Муж где?

Фрау Геншель. В Бреславль поехал. Трех новых лошадей купить надумал.

Гильдебрант. Сегодня, видать, не вернется?

Фрау Геншель. Раньше понедельника не жду.

Гильдебрант. А сегодня у нас суббота. Мы тут подводу вашу пригнали. Во дворе, под залом поставили. Все четыре шины переменить пришлось. А Гауфе здесь?

Фрау Геншель. А его уж давно у нас нет!

Гильдебрант. Ах, черт побери, что за глупости я болтаю. Я, собственно, о вашем новом работнике Шварцере. Здесь он?

Фрау Геншель. Тоже в Бреславль поехал.

Гильдебрант. Ну да, насчет Гауфе-то я знаю. Он все к нам в кузницу захаживает: мы подковы ставим, а он глядит. Ведь все еще не устроился.

Фрау Геншель. Говорят, запивать стал.

Гильдебрант. Как тут не запьешь? Худо ведь старику приходится. Никто его брать не желает. Что это у вас такое наверху сегодня?

Фрау Геншель. Танцы... Знай наших...

Гильдебрант. Вот бы и нам с вами туда сходить, а, Геншельша? В вальсе бы покружились разок-другой?

Фрау Геншель. То-то бы люди глаза вытарашили. А зачем вам, мастер, Геншель понадобился?

Гильдебрант. У оберамтмана жеребец гнедой, никак не дает себя подковать, скотина проклятая! Так вот мы Геншеля попросить хотели помочь, значит. Уж ежели Геншель не усмирит его, окаянного, тогда пускай сам черт на него силы тратит. Прощай, Геншельша!

Фрау Геншель. Прощайте, мастер!

Гильдебрант уходит.

(Прислушивается к шороху в коридоре.) Что за шум?
(Подходит к двери и отворяет ее.) Кто это там хозяйничает?

Танцую, входит Франциска.

Франциска. Дорогу, дорогу, фрау Геншель! Мне некогда! *(Кружится вокруг стола в такт доносящегося сверху вальса.)*

Фрау Геншель. Ну и ну! Что это ты? Какая тебя собака укусила?

Франциска не обращает на нее внимания; она продолжает кружиться, напевая мелодию вальса. Госпожу Геншель это все больше и больше забавляет.

Господи помилуй, тебя же удар хватит. Совсем ты свихнешься, девка!

Музыка прекращается.

Франциска *(падая в изнеможении на стул)*. Я бы, пожалуй, могла до смерти дотанцеваться, фрау Геншель.

Фрау Геншель *(усмехаясь)*. Еще бы, если так вертеться. Поглядишь на тебя, и то голова закружится.

Франциска. А вы совсем не танцуете?

Фрау Геншель. Я-то? Танцую ли? Конечно, танцую. Бывало, в одну ночь новые башмаки насквозь протанцовывала.

Франциска. Пойдемте потанцуем!

Фрау Геншель. Ступай наверх да танцуй с ними!

Франциска. Да, если б мне можно было! Знаете что, я тихонько проберусь наверх. Прокрадусь на хоры. Вы там когда-нибудь бывали? В большом зале на хорах? Где мешки стоят с сушеным черносливом? Пойду туда смело и стану глядеть вниз. Буду есть чернослив и глядеть вниз. Почему бы мне и в самом деле не поглядеть?

Фрау Геншель. А вдруг Зибенгар велит тебе спуститься?

Франциска. Буду себе глядеть. Мне наплевать. А в ту, которая вздумает танцевать с господином Зибенгаром, я возьму да запущу косточкой.

Фрау Геншель. Втюрилась ты в Зибенгара!

Франциска. Да ведь он же всех лучше.

Музыка.

Опять начали. Теперь польку играют. *(Снова танцуют.)* Вот бы потанцевать сейчас с господином Зибенгаром. Он бы опомниться не успел, как я бы его поцеловала — так вот, ни с того ни с сего.

Фрау Геншель. А по мне, Зибенгар больно уж стар.

Франциска. Вашему мужу ведь столько же лет, фрау Геншель.

Фрау Геншель. Ах ты, дрянь этакая. Мой муж на пять лет моложе, поняла?

Франциска. А на вид-то он куда старше. Весь в морщинах. Фу, нет, его бы я не стала целовать.

Фрау Геншель. Ну-ка, убирайся отсюда, не то метлу возьму. Я тебе покажу, как бранить моего мужа! Где же мне лучшего взять? погоди, доживешь до моих лет — узнаешь, что значит найти здесь мужа.

Франциска. А я замуж и не собираюсь! Я подожду, пока придет сюда какой-нибудь благородный господин, лучше всего русский — летом, на воды, — и уеду с ним куда-нибудь далеко-далеко, на край света. Я хочу увидеть свет, в Париже побывать. Я вам оттуда письмо пришлю, фрау Геншель.

Фрау Геншель. Вот и я так думаю, что упорнешь ты отсюда, девка.

Франциска. Можете не сомневаться. Ведь господин Зибенгар тоже был в Париже, во время революции. Заслушаешься, когда он рассказывает. Вот бы и мне в такой революции участвовать, баррикады строить...

Голос Вермельскирха: «Франциска, Франциска! Где ты опять пропа-
даешь?»

Тсс!.. Молчите!

Голос Вермельскирха: «Франциска! Франциска!»

Тсс!.. Тихо. Опять в пивной прислуживать. До чего же мне это противно, терпеть не могу.

Голос Вермельскирха: «Франциска!»

Ведь это же папина обязанность, или мамина, или пускай себе нанимают официанта. Не хочу превращаться в трактирную мамзель.

Фрау Геншель. Это еще не так страшно.

Франциска. Конечно, будь они знатные господа, а то ведь все кучера, да шахтеры, да служители при источниках. Благодарю покорно. Мне это не подходит.

Фрау Геншель. А я бы на твоём месте — за милую душу. Я бы уж на чаевых заработала. Да ведь и ты можешь поднакопить деньжонок.

Франциска. Нет, подачек я не беру. А если господин Зибенгар, или архитектор, или доктор Валлентинер мне когда что и подарят, я сразу все трачу на сласти.

Фрау Геншель. То-то и беда. Яблоко ведь от яблони недалеко падает. Отец с матерью точно такие же. Нет у вас порядка в пивной. Если бы вы вели дело как следует, вы бы сейчас уже деньги в рост ссужали.

Франциска. Мы не такие скупердяи, как вы.

Фрау Геншель. Я не скупая, а только деньгам счет знаю.

Франциска. Люди говорят, что вы скупая.

Фрау Геншель. Плевать мне на людей, поняла? И на тебя тоже. Ну-ка, марш отсюда! Надоела мне твоя болтовня. И больше сюда не приходи, не соскучусь.

Дай бог никогда вас не видеть и не слышать. У, сброд постылый...

Франциска *(уже в дверях, оборачиваясь, ехидно)*. А знаете, что люди еще говорят?

Фрау Геншель. И знать не хочу. Проваливай, и все тут. Смотри, как бы о себе чего не услышать. Кто знает, что там у вас с Зибенгаром. Вам обоим известно, ну и мне известно. Давно бы уж вылетели отсюда с вашей пивной паршивой. Что, я не знаю Зибенгара, что ли?

Франциска. Тьфу, тьфу и тьфу! *(Уходит.)*

Фрау Геншель. У, сброд постылый!

Дверь в задней стене осталась открытой. Видно, как возле нее встречаются Зибенгар, идущий сверху, и официант Жорж, направляющийся сюда из коридора. Жорж одет по-венски: шляпа, трость, длинное пальто, пестрый галстук.

Зибенгар. Что вам здесь угодно?

Жорж. Простите, я по делу к возчику Геншелю.

Зибенгар. Возчика Геншеля нет дома. Я вам уже трижды сказал: в моем доме вам делать нечего. Если вы не усвоите этого на будущее, мне придется исправить вашу память. С помощью жандарма, понятно?

Жорж. Господин Зибенгар, прошу прощения, я пришел не к вам. Эти люди живут в вашем доме. Вы не можете меня ни в чем обвинить. Ничего предосудительного я не сделал.

Зибенгар. Но если вы еще раз попадетесь мне на глаза, я велю работнику вышвырнуть вас вон. Пожалуйста, имейте это в виду. *(Уходит.)*

Жорж *(входит в комнату, ругается)*. Попробуй только! Там посмотрим!

Фрау Геншель *(резким движением затворяет дверь, едва сдерживая злость на Зибенгара)*. Пусть попробует, пока мы еще здесь. Здесь наша комната, а не его, и кто сюда приходит, приходит к нам! Он и пикнуть не смеет.

Жорж. Ничего, пусть только попробует, самому дороже встанет. Как миленький выложит денежки, если пожаловаться куда следует. Один раз он уже обжегся, на Альфонсе, который был здесь два года назад. От

меня так дешево не отделается: тридцати талеров за побои мне мало.

Фрау Геншель. Да у него и тех-то в кармане нет. Известно, голь перекатная. Только и знает, что кланчить по всей округе. В долгу как в шелку, все в один голос говорят. Скоро ему конец; вместо того чтобы других выгонять, сам из дому вылетит.

Жорж (*сняв пальто и повесив шляпу, стряхивает пушинки с сюртука и брюк*). В два счета! Это теперь не секрет. За столом для завсегдатаев только о нем и разговоров. Никто его не жалеет, все говорят: поделом. Мой теперешний хозяин его терпеть не может. При одном его имени зеленеет от злости. (*Достает из кармана зеркальце и гребенку, прихорашивается.*) Уж этот мне Зибенгар, говорит мой хозяин, глаза бы на него не глядели.

Фрау Геншель. Правда истинная.

Жорж. Не найдется ли у тебя, Ганхен, чего-нибудь согревающего?

Фрау Геншель. Почему ты вчера не пришел?

Жорж. Ты думаешь, я в любой день отлучиться могу? Насилу сегодня вырвался. Вчера до трех часов ночи сидели.

Фрау Геншель. Что ж это такое было?

Жорж. Заседание пожарной дружины. Купили новый насос, ну и хотят устроить торжество по этому поводу. Вот вчера у них и было заседание.

Фрау Геншель. Им только бы напиться. А я-то сидела одна и ждала до поздней ночи. Один раз шум услышала, подумала — ты, а это, должно быть, птица какая об окно ударилась: отворила его — нет никого. Так уж я злилась, что полночи заснуть не могла. (*Слегка ударяет кулаком по столу.*) Я и теперь еще злюсь.

Жорж. Будет тебе! К чему портить себе настроение? (*Обнимает ее.*) Кому это нужно? Вот еще!

Фрау Геншель (*вырываясь*). Нет, правда! Сама не знаю, почему так получается: ничего мне не удастся. Целую неделю Геншель дома сидит, а уедет ненадолго — время и пропадает даром.

Жорж. Да у нас же еще сегодня время есть. Он ведь, кажется, только в понедельник приедет?

Фрау Геншель. Кто знает!

Жорж. А почему же нет? Что-то мне невдомек.

Фрау Геншель. Все норовит дома сидеть. Прежде куда лучше было. По целым неделям бывал в отъезде. А теперь не дай бог как ворчит, если хоть одну ночь не дома ночевать надо. Скажет — вернусь через три дня, а сам на второй день дома, глядишь, а то и на завтра. Слышишь? Вроде — они. Кому еще бичом так шелкать?

Жорж (*прислушиваясь, тихо*). Черт бы его побрал! Пес проклятый! Только ведь согреться начал, и уже сматывать удочки! Да, совсем у меня другие мысли были. (*Надевает пальто и берет шляпу.*)

Фрау Геншель (*вырывая шляпу у него из рук*). Оставайся здесь, зачем тебе уходить? Кого мне бояться? Геншеля, что ли? Он у меня и пикнуть не посмеет! Вот еще новости! Говорила тебе — вчера надо было приходиться. Никто бы нам не помешал — ни Геншель, ни Зибенгар. А сегодня тут сам черт ногу сломит.

Входит барышник Вальтер; это красивый, видный мужчина лет сорока. На нем шапка с башлыком, меховая куртка, охотничьи чулки, сапоги с высокими голенищами; рукавицы на шнурах.

Вальтер. Геншельша, муж твой там, на дворе. Добрый вечер! Я на минутку, зашел только с тобой поздороваться, и опять на коня. Эх, каких рысаков мы добыли! И тебе он гостинец припас.

Фрау Геншель. Я думала, вы только в понедельник вернетесь.

Вальтер. Так бы оно и вышло, да мы ведь только до Канта верхом скакали. А там пришлось лошадей погрузить, а то бы они и шею и ноги сломали по такой гололедице.

Жорж. По железной дороге оно, конечно, быстрее.

Вальтер. А это еще что за мужчина? Прямо невидимка какой-то! Да это, никак, Жоржель? Ишь ты — чистый барон!

Жорж. В «Звезде»-то заработки получше, вот мои дела и поправились. Здесь я совсем обносился, чуть не голый ходил под конец, а теперь вот опять приоделся.

Вальтер. Ну-ка, Геншельша, угадай, что он тебе привез.

Фрау Геншель. Что еще такое?

Вальтер. Рада ли будешь?!

Фрау Геншель. Там увидим. Смотри что привез.

Вальтер. Ну, я пошел, а то от жены достанется.

Фрау Геншель. Будь здоров!

Вальтер. Будь здорова!

Жорж. И я с тобой. — До свиданья, госпожа Геншель.

Фрау Геншель. Вы же хотели поговорить с Геншелем.

Жорж. В другой раз, мне не к спеху.

Вальтер. Если у вас к нему дело, то лучше отложите до завтра, Жорж. Сегодня ему не до того. — Знаешь, что он привез тебе, Геншельша?

Фрау Геншель. Да что он мог привезти! Будет болтать-то!

Вальтер. Дочку он привез тебе, вот что.

Фрау Геншель. Что-что? Не расслышала!

Вальтер. Мы в Квольсдорф заезжали, ну и захватили ее с собой.

Фрау Геншель. Вы что, пьяные оба?

Вальтер. Правду тебе говорю.

Фрау Геншель. Кого захватили с собой?

Вальтер. Он мне наперед ничего не сказал. И вдруг очутились мы в Квольсдорфе и завернули в трактир.

Фрау Геншель. Ну, дальше!

Вальтер. Сидим, значит, в трактире, смотрим — отец твой входит и девчонку твою тащит.

Фрау Геншель. Она не моя, девчонка-то.

Вальтер. Уж этого я не знаю. Одно я знаю: здесь она сейчас, во дворе. Подошел он, стало быть, к отцу твоему и говорит, что девчонка, дескать, хорошенькая. Потом на руки ее взял, приласкал. «Хочешь, говорит, возьму тебя с собой?» А она ему сразу: «Хочу».

Фрау Геншель. Ну, а отец что?

Вальтер. Отец-то ведь Геншеля не узнал.

Фрау Геншель. Час от часу не легче! И это все?

Вальтер *(обращаясь скорее к Жоржу, чем к*

Ганне). Пожалуй, что и все. Вынес он ее на улицу и сказал отцу: «Хочу девчонку на коня посадить». А та давай кричать: «Кататься, кататься!» Сел он, значит, на своего рысака, а девчонку я ему подал. «Прощайте», говорит, — и ходу.

Фрау Геншель. И отец допустил?

Вальтер. А что ему делать было? Тут бы и весь Квольсдорф ничего поделывать не смог. Уж если Геншелю что в руки попало... Лучше не суйся, вот мой совет! Во всей округе ни одна душа ссоры с ним затевать не станет. А отец-то поначалу и не понял, что тут такое случилось! Потом вдруг как заорет, заревет и давай ругаться. А людям — смех. Они-то Геншеля знают. Геншель и говорит старику: «Прощай, папаша Шель, я ее с собой беру. Ее дома мать заждалась. А ты, папаша, пить перестань», — сказал он еще. Тогда, мол, у вас и для отца место найдется.

Жорж. Прощайте, я лучше завтра загляну. (*Уходит.*)

Фрау Геншель. И он, значит, думает, что я ее здесь оставлю! Никогда этому не бывать. Это не мой ребенок. Что люди обо мне говорить станут! Сначала в Квольсдорфе, теперь здесь. Мало я намучилась, что ли? День и ночь, можно сказать, с Густель нянчилась. А теперь опять все сначала. Нет уж! Я ему покажу!

В дверях появляется Геншель. На нем тоже меховая куртка, высокие сапоги, охотничьи чулки, кожаные штаны и т. д. Он только что сошел с лошади. Он ведет за руку девочку лет шести, одетую в грязные лохмотья.

Геншель (*довольно весело, подхватывая последние слова жены*). Кому это ты покажешь?

Фрау Геншель. Никому.

Геншель. Посмотри-ка, Ганна, кто к нам пришел! (*Девочке*). Ну-ка, Берта, подойди и скажи: «Добрый вечер!» Скажи: «Добрый вечер, мама!»

Берта неохотно отпускает руку Геншеля, он ласково подталкивает ее; она идет через комнату к Ганне, которая, надувшись, сидит на скамье возле печки.

Фрау Геншель (*девочке, стоящей перед ней в растерянности*). Чего тебе здесь нужно?

Берта. Я каталась верхом на лошадке красивой.

Геншель и Вальтер от души смеются.

Геншель. Ну вот, стало быть, мы ее здесь и оставим! Добрый вечер, Ганна! Что с тобой! Чем ты недовольна?

Фрау Геншель. Ты сказал, что в понедельник приедешь. А теперь у меня ничего нет на ужин.

Геншель. Кусок хлеба с салом уж, верно, найдется. *(Вешает шапку.)*

Фрау Геншель. *(грубо теребит одежду на маленькой Берте)*. Ну и вид у тебя!

Геншель. Купи ей поскорее что-нибудь из одежды. Ведь ей прямо-таки тельце прикрыть нечем. Хорошо еще, что у меня попоны с собой были, а то бы она совсем окоченела дорогой. *(Снимает куртку, греет руки.)*

А лучше всего — в лохань ее сразу.

Фрау Геншель *(сгоряча)*. Лучше всего — оставил бы ее там, где она была.

Геншель. Что ты сказала?

Фрау Геншель. Ничего.

Геншель. А мне показалось, ты что-то сказала. В лохань ее, а потом в постель. И в головке у нее поищи. Там, видать, кое-что найдется.

Берта громко плачет.

Что такое? Да не дергай ты ее так!

Фрау Геншель. Перестань реветь, этого еще не хватало.

Геншель. Будь с ней поласковее. Девочка каждому доброму слову рада. — Успокойся, Берта, успокойся!

Берта. Хочу к папе.

Геншель. Ты же с мамой. Мама хорошая. — Я очень доволен, что она у нас. Самое время было ее взять. А то пришлось бы мне искать девчонку на кладбище.

Фрау Геншель. Не так уж ей там плохо было.

Геншель *(изумленно, но добродушно)*. Это еще как понимать прикажешь?

Пауза.

Вальтер. Ну, будьте здоровы, я пошел.

Геншель. Нет, погоди, мы сейчас по стаканчику грога выпьем.

Фрау Геншель. Да, если б ром в доме был.

Геншель. Сходи возьми у Вермельскирха.

Фрау Геншель. Я этих людей знать не хочу.

Вальтер. Нет-нет, мне домой пора. Еще добрых полчаса ташиться. *(Ганне.)* Не стану тебя утруждать.

Фрау Геншель. Да кто об этом говорит?

Вальтер *(в сердцах)*. Никто! И я ничего не сказал. Избави боже! Зачем я буду ссориться? С тобой лучше не связываться. Счастливо!

Геншель. Счастливо! Жене привет, слышишь?

Вальтер *(уже за дверью)*. Слышу, не забуду. Прощайте! *(Уходит.)*

Геншель. Ну что, разве я сделал что не так?

Фрау Геншель. Что я теперь людям скажу?

Геншель. Не станешь же ты дочери своей стыдиться!

Фрау Геншель. Да кто про это и говорит! Ты ведь сам меня перед ними очернить хочешь. *(Девочке, резко.)* На вот, пей молоко! А потом спать убирайся!

Берта пьет молоко.

Геншель. Ты и дальше так будешь?

Фрау Геншель. А что я сделала плохого?

Геншель. Да вот с девочкой, разве можно так...

Фрау Геншель. Не бойся, не съем ее! *(Уводит Берту в каморку.)*

Девочка тихо плачет.

Геншель *(ей вслед)*. Не для того я ее привез. Тогда бы уж лучше ее у деда оставить.

Небольшая пауза. Фрау Геншель возвращается одна.

Не знаешь, чем на вас угодить. Трудно с вашей сестрой. Ты ведь всегда так держалась...

Фрау Геншель *(злобно, плаксиво)*. Неправда это, если уж на то пошло.

Геншель. Что неправда-то?

Фрау Геншель (*тем же тоном*). Никогда я у тебя ничего для Берты не просила. Да и не напоминала о ней ни разу.

Геншель. А я этого и не говорю. Ну чего ты плачешь? Вот именно потому, что ты молчала, я и хотел тебе помочь.

Фрау Геншель. Что ж, ты не мог меня спросить? Ведь спрашивают, прежде чем такие дела делать.

Геншель. Ну, вот что я тебе скажу. Сегодня суббота. Я спешил, торопился, хотел пораньше домой вернуться. Я думал, ты меня не так встретишь. Ну что ж, тут я ничего не могу поделать. Оставь меня хотя бы в покое. Слышишь?

Фрау Геншель. Никто к тебе не пристаёт.

Геншель. Слышишь? Я хочу покоя и больше ничего. Вот до чего ты меня довела. Не замышлял я ничего худого. Густель умерла. Ее не вернешь. Мать ее с собой забрала. Кроватька стоит пустая. Мы одни. Почему же нам не взять девочку? Я ей не отец, и то так думаю. А ведь ты мать.

Фрау Геншель. Вот оно! Уже пошли попреки.

Геншель. Если ты не перестанешь, я уйду к Вермельскирху на всю ночь. Ты хочешь меня совсем из дому выжить? Я все думал, когда-нибудь заживем по-другому, а теперь вижу: становится все хуже и хуже. Я думал, если дочка с тобой будет, ты образумишься. А не кончится это, тогда...

Фрау Геншель. Вот тебе мое слово: если она останется в доме и ты скажешь людям, что это моя дочь...

Геншель. Да зачем говорить! И без того всем известно.

Фрау Геншель. ...то так и знай — я уйду.

Геншель. И беги, беги куда угодно, скатертью дорога. Пусть тебе всю жизнь стыдно будет!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Пивная Вермельскирха. Невысокая комната, стены побелены; слева дверь, ведущая внутрь дома. Задняя стена прерывается посреди комнаты прямоугольным выступом, отчего справа образуется как бы вторая комната, наподобие коридора, с весьма удаленным от зрителя задним планом. В правой стене этого помещения, являющейся одновременно и стеной переднего зала, стеклянная дверь на улицу и — ближе к зрителю — окно. Слева, перед задней стеной, стойка с четырехгранными водочными бутылками, прибором для разливания пива, стаканами и т. д., и т. д. Светлые полированные столики и стулья вишневого дерева. Красные портьеры отделяют поперечную комнату от продольной. В этой последней также много стульев и столиков; на самом заднем плане — бильярд. На стенах олеографии, изображающие главным образом охотничьи сцены. Вермельскирх, в халате и с чубуком в зубах, играет на пианино, стоящем у левой стены. Три члена местной пожарной дружины играют на бильярде. Справа, на переднем плане, сидит Гауфе, задумчиво склонившийся над рюмкой водки; он заметно опустился. За стойкой мост стаканы фрау Вермельскирх, неряшливая старуха цыганской наружности. Справа, на подоконнике, сидит и играет с котенком Франциска. У стойки за стаканом пива Жорж; на нем изящный весенний костюм, лакированные башмаки, лайковые перчатки, на голове цилиндр.

Вермельскирх (*играет и поет*).

«Когда я был аркадским принцем,
Я жил богато, славно жил».

Жорж (*сделав несколько па в такт музыке*). Ну дальше, дальше!

Вермельскирх (*нарочито откашливаясь*). Не получается! Совершенно охрип! Впрочем... Начнем еще раз!

«Когда я был...».

(Кашляет.)

«Когда я был аркадским принцем,
Я жил богато... я жил богато...».

А, черт с ним!

Жорж. Дальше, дальше! Ведь хорошо выходило, правильно!

Вермельскирх. Нет, ничего, кроме кашля, не получается.

Жорж. Не понимаю. Такая чудесная камерная музыка.

Вермельскирх. Камер-егерская музыка!

Жорж. Пускай будет камер-егерская. Я не вижу тут особой разницы. Почему вы смеетесь, фрейлейн Франциска?

Франциска. Да потому, что на вас такие великолепные лакированные ботинки!

Жорж. А как же? Не могу же я ходить босиком. Дайте вон тому еще стаканчик пива. А я не откажусь от рюмочки данцигской, фрейлейн Франциска. Да, ботинки у меня хороши. Четыре талера как-никак заплачено. Ну что ж, я могу себе это позволить. В трактире «Меч» на заработки жаловаться нельзя. Конечно, когда я служил в «Звезде», о лакированных ботинках нечего было и думать.

Вермельскирх. Значит, «Меч» вам больше нравится?

Жорж. А как же? Такого симпатичного хозяина, как теперь, мне за всю мою службу не попадалось. Мы с ним все равно как два друга, пожалуй, даже— как два брата; при желании я мог бы с ним быть на «ты».

Вермельскирх. С Зибенгаром, конечно, это не вышло бы.

Франциска громко смеется.

Жорж. Кто высоко заносится, знаете ли, тому не миновать упасть. Недельки через две, через три будет аукцион, и я еще его золотые часы куплю.

Вермельскирх. Купите уж сразу весь дом!

Жорж. Ну, с этим пока еще придется повременить.

Кстати, он уже и продан... — Ваше здоровье, господа! Если вы уже выпили — не беда, еще найдется. — Фамилия покупателя, кажется, Экснер. Он, наверно, только разливом воды займется, а гостиницу в аренду сдаст. Я бы ее хоть сейчас арендовал, будь у меня деньги.

Гауфе. Попросите Геншеля, он вам даст.

Жорж. А что вы думаете, вполне возможно.

Гауфе. Ну да, ведь вы же в хороших отношениях с его женой.

Франциска громко смеется.

Жорж. А почему бы мне не быть с ней в хороших отношениях? Она, знаете ли, совсем недурна. Кто с умом за дело берется, тот из баб веревки вить может.

Гауфе. Ну, коли вы уж из Геншельши веревки вить можете, значит, вы мастер своего дела.

Входит Фабиг, за плечами у него ремни для поклажи. Он скромно садится в углу.

Жорж. То-то и оно. Попробуй-ка со мной потягаться. Здесь нужно ухо остро держать, а то и битым оказаться недолго.

Вермельскирх. Ну что ж, еще есть надежда.

Слева входит Зибенгар.

А кого Геншель ударит, от того только мокрое место останется. — Здравствуйте, господин Зибенгар.

Зибенгар *(несколько устало)*. Доброе утро!

Жорж. Схожу-ка я в бильярдную. *(Берет свой стакан и уходит в заднюю комнату.)*

Зибенгар *(садится за столик возле пианино)*. Вы, кажется, пели, господин Вермельскирх. Продолжайте, пожалуйста, не смущайтесь!

Вермельскирх. Что? Я пел? Быть этого не может! Я очень тронут. Если вы говорите, что я пел, значит, это правда. Позвольте присесть рядом с вами? — Принеси-ка и мне гретцеру, Франциска!

Зибенгар. Подумать только, три-четыре года назад у вас совсем не было голоса. Ваше здоровье все-таки очень поправилось.

Вермельскирх. Вы правы, но какой мне от это-

го прок? Кое-как выкарабкался, а теперь кто знает, что опять будет.

Франциска (*ставит гретцер перед Зибенгаром; Вермельскирху*). Сейчас и тебе принесу.

Зибенгар (*пригубив из стакана*). А что же может произойти? Что вы хотите сказать?

Вермельскирх. Не могу сказать ничего определенного, сам ничего не знаю толком, но как-то мне неспокойно. Чую, что будут у нас перемены. Кроме шуток, у меня много всяких примет, на то я и старый комедиант. Когда вода мне так помогла, я сразу себе сказал: ну, теперь меня никакой силой отсюда не вытащишь. И правда, не прошло и месяца, как я осел тут со всем своим хламом. Теперь, черт возьми, придется опять поворачивать оглобли. Кто знает — куда?

Зибенгар. Кто знает — куда! Такова жизнь. А я, знаете, даже рад этому.

Вермельскирх. Вы еще в цвете лет. Такой человек, как вы, всегда найдет себе место под солнцем. Другое дело я, старый пес. Если я лишусь последнего куска хлеба, я хочу сказать — если мне откажут, куда мне податься? Хоть шарманку заводи. Франциска деньги собирать будет...

Франциска. Что ж, и не постеснялась бы, папа.

Вермельскирх. Конечно, если бы золотые сыпались.

Франциска. Зачем ты, папа, так говоришь? Ты бы мог опять вернуться на сцену.

Вермельскирх. В балаган. И то бы не взяли, дитя мое.

Зибенгар. Разве господин Экснер что-нибудь вам говорил? Ведь в общем и целом он собирается оставить все по-старому. Так по крайней мере он мне сказал.

Вермельскирх. Видно, к общему и целому я не принадлежу!

Фрау Вермельскирх (*подходит к столу, очень взволнованно*). Господин Зибенгар, я должна вам сказать... Можете мне поверить, господин Зибенгар. Я старая, пятидесятилетняя женщина, я многое, право же, многое извела на своем веку, но как с нами здесь

обошлись... это же... просто слов нет... Это же чистой-шей, чистойшая подлость, гнуснейшая низость, это самое настоящее издевательство, поверьте мне.

Вермельскирх. Э, мать, ты уж лучше не начинай! Будь добра, сделай милость, укройся за своим бруствером.

Фрау Вермельскирх. Что сделала наша Френцхен этой негодяйке?

Франциска. Ах, оставь, мама!

Фрау Вермельскирх. И не подумаю. Так и будем все сносить? Что ж нам, так и молчать, если она лишает нас куска хлеба? Если она распускает сплетни о нашей дочери? (*Зибенгару.*) Разве девочка к вам когда-нибудь приставала?

Вермельскирх. Мать, мать! Теперь пойдём-ка, мать! Вот так! Отдохни немного! Эта реплика удалась на славу. Сегодня вечером мы еще раз прорепетируем. (*Ведет ее за стойку, откуда еще некоторое время доносится ее плач, и садится на прежнее место.*) В сущности, она права. До меня тоже уже дошли разговоры о том, что Геншель будто бы арендует пивную. Это, конечно, дело рук его жены.

Гауфе. А чьих же еще? Если в деревне какая гадость случится, сразу ясно, от кого она идет. Бес в ней сидит, в Геншельше.

Фабиг. А уж на пивную она давно зарится.

Зибенгар (*к Гауфе*). Вас что-то давно не видно, Гауфе. Где это вы пропадаете?

Гауфе. И то сказать — пропадаю. А из-за кого пропадаю? Из-за этой бабы проклятушей. Из-за кого же еще, скажите на милость? С Геншелем-то мы всегда ладили.

Фабиг. У него жена в доме верховодит.

Гауфе. Я, говорит, не справляюсь. Конечно, куда мне до молодых, за юбкой ее бегать не стану. А ей этого самого и нужно, уж я-то знаю. Горяча больно, как бы сказать ловчей... никак не насытится. А работы я не боюсь, работать могу. Молодых парней нанимает, а все сплошь лодыри паршивые, я втрое против них наработаю.

Зибенгар. Жаль старика Геншеля!

Гауфе. Если он доволен, мне какое дело! А что я шевелиться медленней стал, так это ему надо бы знать — отчего. Небось не от лени. Коли у него нынче денег полон сундук, то добрая доля их моим потом нажита.

Зибенгар. Ведь вы, помнится, еще у отца Вильгельма Геншеля служили.

Гауфе. А как же! Да и у Вильгельма восемнадцать лет за лошадыми ходил. Запрягал да распрягал, в поездки ездил зимой и летом, то во Фрейбург, то в Бреславль, а то, бывало, и в Бромберг. Разве сочтешь, сколько ночей в телеге привелось переспать. Уши, бывало, и ноги отмораживал, до сих пор на ногах волдыри, что твои груши. А теперь меня долой, теперь я не нужен.

Фабиг. Это все Геншельша. Он-то человек славный.

Гауфе. Навязал себе бабу на шею, пусть сам теперь и выкручивается. Небось не думал, что так будет. Не успел первую жену похоронить, ему уж второй раз жениться приспичило.

Зибенгар. Никто ведь не знал, что она такая.

Фабиг. Я-то ее знал лучше некуда. Спроси он меня, уж я бы ему сказал. Когда б он хотел Густель на тот свет отправить матери вдогонку, то самое верное дело было бы взять ей в мачехи Ганну.

Гауфе. Да-да. Впрочем, помолчу-ка я лучше, и так уж многие головами качают. Ничего, он еще за это заплатится. Раньше люди только диву давались, а теперь верят, что он на все способен.

Зибенгар. Ну, это уж, во всяком случае, сплетни и болтовня!

Входит барышник Вальтер. Высокие сапоги, охотничья куртка, шапка, бич. Он садится за пустой столик и делает знак Франциске; та быстро приносит ему пива.

Гауфе. Это вы так говорите, а как дело было — кто не знает. Если бы мертвецы с того света возвращались, у покойницы Геншельши, наверно, нашлось бы что рассказать. Не могла она больше жить, не хотела. А главное, не должна была жить.

Зибенгар. Смотрите, Гауфе, будьте осторожны! Если это дойдет до Геншеля...

Гауфе. Мне опасаться нечего. Я это любому в глаза скажу. Старая Геншельша должна была умереть. Отравили они ее или как, этого я не знаю, я при этом не был. А только сами собой такие вещи не делаются! Здоровая была женщина, еще лет тридцать прожить могла!

Зибенгар допивает вино и поднимается.

Вальтер. Что она на здоровье не жаловалась, я свидетель. Как же мне родной сестры не знать? Она мешала, вот ее и убрали.

Зибенгар спокойно уходит.

Вермельскирх. Господа, никому не угодно табачку? *(Понизив голос, доверительно.)* Господа, мне кажется, вы все-таки заходите слишком далеко. Приглядитесь-ка к Геншелю получше. Вчера он засиделся здесь до поздней ночи. Никого, кроме него, в пивной не было. И знаете, он так тяжело вздыхал, что мне его от души жалко стало.

Гауфе. Видать, совесть заедает.

Вальтер. Не хочу я больше слышать про этого Геншеля. Сыт по горло. У нас с ним уже давно все кончено.

Вермельскирх. Нет, господин Зибенгар прав, Геншеля пожалеть надо.

Вальтер. Ну и пусть себе жалеет кого хочет. А как мне о Геншеле думать, это мое дело... Ни в чьих советах не нуждаюсь.

Справа входят Геншель и кузнец Гильдебрант. У Геншеля на руках маленькая Берта, одетая опрятнее, чем прежде. Некоторое время присутствующие смущенно молчат.

Вермельскирх. Милости просим, господин Геншель!

Геншель. Доброе утро!

Франциска. Ну, Берта, как дела?

Геншель. Скажи: спасибо! Ты что, говорить не умеешь? — Ничего, живем помаленьку, и то слава богу.

Доброе утро, шурин! *(Небрежно протягивает Вальтеру руку, которую тот так же небрежно пожимает.)* Как поживаешь?

Вальтер. Да как мне поживать? Не мешало бы лучше! А ты, я вижу, нянькой заделался.

Геншель. Да, правда, похоже на то.

Вальтер. Тебя без девчонки, пожалуй, и не видишь никогда. Неужели не можешь ее с матерью оставить.

Геншель. У нее все уборка да работа. Вот девчонка-то и мешает. *(Садится на скамейку у стены рядом со стойкой, неподалеку от шурина, держит девочку на коленях.)*

Напротив Геншеля садится Гильдебрант.

Что будем пить, мастер Гильдебрант? По кружке пива мы с тобой, кажется, заслужили. — Две кружки пива и две рюмки водки!

Гильдебрант. Ну и стукнул меня этот дьявол!

Геншель. Ведь жеребенок еще, а сила какая! Не так-то просто на все четыре в один раз подковать. — Доброе утро, Гауфе!

Гауфе. Доброе утро!

Геншель. Он что-то не в духе. Оставим его в покое.

Фабиг. Купили бы у меня что-нибудь, господин Геншель. Игольничек для жены или вот гребешок красивый, в волоса воткнуть!

Присутствующие смеются.

Жорж, официант, уже купил.

Геншель *(добродушно смеясь со всеми)*. Ох, не приставай ты ко мне со своим товаром! *(Вермельскирху.)* Налейте-ка и ему кружку пива. Забавный мужичок, откуда он?

Гильдебрант. Да ведь это, по-моему, Фабиг из Квольсдорфа, самый непутевый бродяга во всей округе.

Геншель. Вот и у меня цветочек из Квольсдорфа.

Фабиг *(Берте)*. Мы ведь старые знакомые, правда?

Берта *(Фабигу)*. Дай мне орешков в сахар!

Ф а б и г. Да... она-то уж знает, кто я такой. Сейчас пойду, может, что и найдется.

Б е р т а. Во дворе, в повозке!

Ф а б и г. Нет, здесь, в кармане. *(Дает ребенку сладостей.)* Видать, девочка, такая уж твоя доля — в трактирах сидеть. Раньше с дедом, а теперь с Геншелем.

Г е н ш е л ь. Скажи ему: знай себе свои тряпки, а обо мне без тебя позаботятся. Так и скажи!

Из бильярдной выходит Ж о р ж. Он очень оживлен и не замечает Геншеля.

Ж о р ж. Вот уж никогда не поверил бы! Этот парень глотает стекло как ни в чем не бывало, честное слово. Возьмите мелок, фрейлейн Франциска, и дайте нам пива на пятерых.

Ф р а н ц и с к а *(взяв на руки Бертю, идет с ней за стойку.)* Сейчас не могу, Бертхен не позволяет.

Ж о р ж. Ах, мастер Геншель, и вы здесь!

Г е н ш е л ь *(не обращая внимания на Жоржа, Гильдебранту)*. Будь здоров, Гильдебрант!

Чокаются и пьют.

Ф а б и г *(Жоржу, который, несколько смутившись, закуривает сигару у одного из столиков)*. Скажите, господин Жорж, вы, наверно, умеете колдовать?

Ж о р ж. Вот еще! Почему вы так думаете?

Ф а б и г. Вы давеча исчезли отсюда как молния.

Ж о р ж. Не хотел связываться; я, знаете, с Зибенгаром не в ладах.

Ф а б и г *(делая движение, которым дают пощечину)*. Говорят, вы свое получили? *(К Гауфе, проходя мимо него.)* А тебе, кажется, главный выигрыш выпал?

Г а у ф е. У, непутевый. *(Смеется.)*

Ф а б и г. Да-да, я и есть непутевый.

Г е н ш е л ь. Правда, что ты теперь у Нентвиха?

Г а у ф е. А тебе какое дело?

Г е н ш е л ь *(смеясь, добродушно)*. Ишь, ошетинился, что твой еж! Не дотронешься!

В а л ь т е р. Ты, говорят, скоро будешь здесь за хозяина?

Геншель (*бросив на него удивленный взгляд*). Мне об этом ничего не известно!

Вальтер. А я-то уж так думал. Не помню, кто мне сказал.

Геншель (*хлебнув пива, равнодушно*). Кто тебе сказал, тому, верно, во сне приснилось.

Пауза.

Гильдебрант. В доме теперь все вверх дном. Кто знает, что будет. Одно скажу: о Зибенгаре вам не раз вспоминать придется.

Геншель (*к Гауфе*). Поезжай-ка ты в Ландсхут. Там у меня новая пара для кареты стоит. Пригнал бы ты мне лошадей.

Гауфе. Плевать я на тебя хотел!

Геншель (*смеясь, но сохраняя хладнокровие*). Ну и сиди себе сколько душе угодно. Не стану больше о тебе печься.

Гауфе. О своих делах заботься.

Геншель. Ладно-ладно, бог с тобой.

Гауфе. У тебя в своем доме грязи довольно.

Геншель. Вот что, Гауфе, скандалить я не люблю, но, если ты здесь затеешь ссору, я просто-напросто выброшу тебя отсюда.

Вермельскирх. Тсс... Не ссориться, господа, не ссориться, не ссориться!

Гауфе. Ты здесь не хозяин! Ты не смеешь меня выбрасывать. Ты здесь такой же гость, как и я. Ты не смеешь мне затыкать рот. Ни ты, ни твоя жена. Можете вытворять с ней что угодно, меня не испугаете!

Геншель, без видимого волнения, хватая Гауфе за грудь, встает и оттесняет тщетно сопротивляющегося старика к стеклянной двери; резко обернувшись, нажимает левой рукой ручку двери и выталкивает Гауфе наружу; при этом происходит следующий разговор:

Гауфе. Говорю тебе, пусти. Пусти, говорю!

Вермельскирх. Господин Геншель, так не годится, я этого не могу допустить.

Геншель. Я тебя предупреждал. Теперь поздно.

Гауфе. Ты что, удушить меня хочешь? Пусти, говорю! Ты здесь не хозяин.

Фрау Вермельскирх (*из-за стойки*). Что же это такое творится? Нельзя же так, Людвиг! Ты должен им запретить!

Фабиг (*в тот момент, когда Геншель и Гауфе находятся уже недалеко от двери, в боковой комнате*). Оставьте их, ничего вы тут не поделаете. Он ведь почище будет, чем силач в балагане. А тот, бывало, за край стола зубами ухватится, да так и поднимет зубами стол, и ни одна-то рюмочка на нем не опрокинется. Захочет— и всех нас выставит, так и знайте.

Выбросив Гауфе, Геншель возвращается на свое место.

Геншель (*при общем молчании*). Не дает посидеть спокойно, старый дурак.

Первый пожарный (*выйдя из бильярдной и выпив у стойки рюмку водки*). Получите с меня! Лучше убраться отсюда, а то, чего доброго, и сам вылетишь.

Вермельскирх. Что вы, выпейте еще стаканчик пива! Этого только не хватало! В конце концов, я покамест еще здесь!

Вальтер. Коли так вести себя будешь, когда встанешь за стойку да начнешь здесь вместо Вермельскирха хозяйничать, то, помани мое слово, не много у тебя будет гостей, Геншель-Вильгельм.

Геншель. Такие гости пускай дома сидят.

Вальтер. Выбирать не придется. Гауфе ведь тоже не фальшивыми деньгами платит.

Геншель. По мне, пускай себе платит чем угодно! Еще раз тебе повторяю: отстань ты от меня с этой басней. Не нужна мне эта пивная. Если бы я ее арендовать собирался, уж я бы об этом первый знал. Ну так вот: когда надумаю, я тебе скажу. Тогда и советы мне будешь давать. А если тебе у меня не понравится и ты ходить ко мне не захочешь, ну что ж, сиди себе дома, шурин.

Пожарный уходит, громко хлопнув дверью.

Вальтер. Пожалуй, и я пойду! (*Собирается платить.*)

Вермельскирх. Господин Геншель, так не годится, вы ведь всех моих гостей разгоняете.

Геншель. Ну, а я-то при чем, если и этот сейчас убежит! По мне, пусть хоть до завтрашнего утра здесь торчит!

Вальтер (*прячет назад деньги, все более и более горячась*). Не имеешь ты права выгонять отсюда людей. Ты здесь не хозяин!

Геншель. Может, ты еще что-нибудь знаешь?

Вальтер. Многое мы знаем, да только молчим. Дрянные дела! Вермельскирх лучше всех знает.

Вермельскирх. Почему же я? Послушайте-ка...

Геншель (*спокойно и твердо*). Что же вы знаете? Говорите! Один знает одно, другой другое, а на поверку выходит — все болтовня.

Вальтер (*другим тоном*). Если бы ты был прежний... А то ведь не поймешь, что с тобой стряслось. Прежде ты вон какой был: оговсюду люди за советом приходили к Геншелю-Вильгельму. И, бывало, если он что скажет, это все равно что закон. Как аминь в церкви. А теперь не знаешь, как с тобой и говорить.

Геншель. Ближе к делу!

Вальтер. Ну, да это ты и сам небось замечаешь. Прежде все тебе друзья были, а нынче ни одна душа к тебе не пойдет. Иной бы и хотел пойти, да из-за жены твоей не пойдет. Двадцать лет Гауфе у вас служил, а пришелся твоей жене не по вкусу, и ты сразу за шиворот его и долой! Что ж это такое? Она только мигнет, а ты уже в лепешку готов расшибиться. Взял бы лучше вожжу покрепче, да и вышиб из бабы дурь.

Геншель. Если ты сию же минуту не замолчишь, я тебя самого возьму за шиворот.

Жорж (*Геншелю*). Мастер Геншель, только не волнуйтесь. Вы же видите, это невоспитанный человек. (*Быстро уходит в бильярдную.*)

Вальтер. Что ж, это на тебя похоже! Это ты можешь: если кто тебе правду выложит, ты его об стенку скорей. Зато такой паршивец, такая мразь, как этот Жорж, может тебя сколько угодно обманывать, и днем и ночью. Твоя жена да он — один другого лучше. Ты хочешь, чтобы тебя обманывали, — ну что ж, пускай обманывают! Но если у тебя есть глаза во лбу, раскрой их наконец да погляди вокруг себя, да к этому молодчику

присмотрись хорошенько. Они же тебя среди бела дня обманывают!

Геншель (*хочет броситься на него, но сдерживает себя*). Что ты сказал? Ну хорошо, ладно.

Пауза.

Фабиг. Настоящий апрель: то солнце светит, то крупа с неба.

Со двора доносится голос Гауфе: «Я тебе отплачу, погоди у меня! Ты еще увидишь! Мы еще с тобой поговорим, на суде поговорим!»

Вальтер (*допивает до дна и встает*). До свидания! Не взыщи.

Геншель (*схватив левой рукой Вальтера за запястье*). Ты останешься здесь! Понятно?!

Вальтер. Что тебе еще от меня надо?

Геншель. Сейчас увидишь. Останься, говорю. (*Франциске.*) Сбегай вниз, позови жену.

Франциска уходит.

Вермельскирх. Господин Геншель, дорогой, ради бога, не устраивайте здесь скандала! Не хватало мне только полиции...

Геншель (*в бешенстве, с багрово-синим лицом*). Я вас всех убью! Пусть лучше Ганна сию же минуту сюда придет!

Вальтер (*в растерянности и смущении*). Вильгельм, Вильгельм, не делай глупостей. Ведь я ничего такого сказать не хотел. Право же, нет! Мало ли что люди наврут.

Гильдебрант. Вильгельм, ты же славный малый! Опомнись! На кого ты похож? Приди в себя! Ты же орал так, что во всем доме, наверно, слышно было.

Геншель. Пускай слышит кто хочет. Все равно ты здесь останешься, а Ганна придет сюда.

Вальтер. Зачем мне здесь оставаться? Не понимаю — зачем! Твои дела меня не касаются. Я в них не вмешиваюсь и вмешиваться не желаю.

Геншель. Надо было раньше думать!

Вальтер. А прочее пускай суд разберет. Посмотрим, кто из нас прав. Я свои денежки получу. Может,

жена твоя и задумается немного, прежде чем давать ложную присягу. До остального мне дела нет. Пусти, говорю, мне некогда. Мне в Гартау надо, я больше ждать не могу.

Снова входит Зибенгар.

Зибенгар. Что здесь случилось?

Вермельскирх. Ах боже мой, не знаю! Не знаю, чего хочет господин Геншель.

Геншель (*продолжая держать Вальтера*). Ганну ждем, больше ничего.

Фрау Вермельскирх (*Зибенгару*). Люди тихо-мирно сидят себе, пьют пиво, и вдруг является господин Геншель и затевает ссору, словно он хозяин в доме.

Зибенгар (*отмахиваясь от нее*). Тсс, тсс... довольно. (*Геншелю.*) Геншель, что с вами такое?

Геншель. Не моя вина, господин Зибенгар, что так вышло. Хотите — верьте, хотите — нет. Только я ни в чем не виноват, господин Зибенгар.

Зибенгар. Да что вы, Геншель, какого вы обо мне мнения! Я же знаю, что вы человек рассудительный.

Геншель. Я ведь еще у вашего отца служил. И, хотя все против меня, я не виноват, что так получилось. Сам не знаю, что я натворил! Никогда ведь я не был скандалистом. А теперь вот стал им. Все меня кусают и щиплют. Он сейчас такую вещь сказал про мою жену... Пускай докажет, что это правда, не то — упаси бог!

Зибенгар. Ах, мало ли что люди болтают!

Геншель. Доказательств! Доказательств! Не то... упаси бог!

Вальтер. Могу доказать и докажу! Наверно, здесь и не найдётся таких, которые знали бы об этом меньше моего. Твоя жена пошла по скользкой дорожке. Я не виноват, я не стал бы этого говорить, но не дожидаться же мне пинка в морду. Я не лгун, я всегда правду говорю. Спроси кого хочешь! Пускай господин Зибенгар по совести скажет! Об этом на всех углах трезвонят, да и еще кое о чем.

Зибенгар. Подумайте, что вы говорите, Вальтер!

Вальтер. Он меня сам заставляет, пускай не держит меня. Чего мне отдуваться за других?! Вам известно все не хуже, чем мне. В каких вы были с Геншелем отношениях, когда еще его первая жена жива была! Думаете, никто ничего не замечает? Вы ведь теперь к нему в комнату никогда не заходите.

Зибенгар. Это наше с ним частное дело. И прошу никого не вмешиваться.

Вальтер. А если вдруг жена умирает, совсем здоровая, а через восемь недель еще и Густель, — это, по вашему, тоже частное дело?

Геншель. Что? — Ганну сюда!

Быстрыми шагами, явно оторвавшись от работы (она вытирает руки), входит фрау Геншель.

Фрау Геншель. Ты чего раскричался?

Геншель. Хорошо, что пришла. Он говорит...

Фрау Геншель (*хочет уйти*). Болтовня дурацкая!

Геншель. Стой! Никуда не уйдешь!

Фрау Геншель. Вы что, все перепились тут? Что это с вами? Думаете из меня посмешище сделать? (*Порывается уйти.*)

Геншель. Ганна, лучше останься! Он говорит...

Фрау Геншель. По мне, пускай говорит что хочет.

Геншель. ...что ты меня кругом обманываешь.

Фрау Геншель. Что? Что? Что? Что?

Геншель. Это правда? И что мы... мою жену...

Фрау Геншель. Я? Ложь подлая! (*Закрывает лицо фартуком и убегает.*)

Геншель. Что я... свою жену... что мы вместе... что наша Густель... Ну, хорошо! Хорошо! (*Отпустив руку Вальтера, с хриплым стоном опускает голову на стол.*)

Вальтер. Пускай меня здесь лгуном не выставляют!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Та же комната, что и в первых трех действиях. Ночь; в окно проникает яркий свет луны. Комната пуста. Со времени событий четвертого действия прошло несколько дней. В каморке появляется свет; через несколько секунд оттуда выходит Геншель со свечой в жестяном подсвечнике. На нем кожаные штаны, на ногах ночные туфли. Он медленно подходит к столу, нерешительно оглядывается, смотрит в окно, ставит свечу на стол и садится у окна. Подперев подбородок ладонями, глядит на луну.

Фрау Геншель (*ее не видно, слышен только голос из каморки*). Геншель! Геншель! Что ты там делаешь? Что за блажь — ходить из угла в угол? (*Полуодетая, заглядывает в комнату.*) Где ты? Иди спать! Время ночное! Завтра опять не поднимешься! Опять будешь лежать пластом, а во дворе все кувырком пойдет. (*Выходит, полуодетая, и в боязливой растерянности приближается к Геншелю.*) Что ты тут делаешь, а?

Геншель. Я?

Фрау Геншель. Почему ты сидишь и не говоришь ни слова?

Геншель. На тучи смотрю!

Фрау Геншель. Новое дело, так и рехнуться недолго. Что там хорошего наверху, хотела бы я знать! Вот беда-то... Каждую ночь! Покоя нет никакого. Ну, что ты там видишь? Скажи хоть слово!

Геншель. Они там, наверху.

Фрау Геншель. Тебе снится, что ли? Проснись, Вильгельм! Ляг в постель и выспись как следует! Там наверху тучи одни, больше ничего.

Геншель. У кого глаза есть, тому видно!

Фрау Геншель. А кто с ума спятил, от того ничего путного не жди.

Геншель. Я не спятил.

Фрау Геншель. Я этого и не говорю. Только так вот и спятить ничего не стоит. *(Ей холодно, она надевает кофту и разгребает кочергой золу в печке.)*

Геншель. Который час?

Фрау Геншель. Четверть второго.

Геншель. Ты часы перевесила. Раньше они у двери висели.

Фрау Геншель. Что еще выдумашь! Где всегда висели, там и висят.

Геншель *(поднимается)*. Пойду в конюшню схожу.

Фрау Геншель. Говорю тебе, иди спать. Не то людей позову. Нечего тебе сейчас делать в конюшне. Ночью спать надо.

Геншель *(спокойно останавливается и глядит на Ганну)*. А где Густель?

Фрау Геншель. Зачем тебе она? Она в постели лежит, спит. И что ты все о девчонке беспокоишься? Ничего с ней не станет. Не обижу ее, не бойся.

Геншель. Ничего с ней не станет. Она спать легла. Рано она спать легла. Густель! Я про нее, не про Бергу.

Фрау Геншель *(ревет, затыкая себе рот фартуком)*. Убегу я, не останусь я здесь.

Геншель. Иди спать, иди! Я сейчас приду. Плачем теперь не поможешь. Кто тут виноват, одному богу известно. Ты не виновата, нечего тебе плакать. Мы оба — бог и я — знаем, что ты не виновата. *(Запирает дверь.)*

Фрау Геншель *(поспешно отпирая дверь)*. Зачем запираешь дверь? Не дам тебе меня запирать!

Геншель. Не знаю, зачем я запер.

Фрау Геншель. Люди тебе совсем голову заморочили. Ничего, они еще за это ответят. Я за девочкой ходила, как за своей. Не от этого она умерла. Не могу же я мертвых воскресить. Кому умереть суждено, тот все равно не жилец. Тут уж ничем не поможешь. Густель ведь всегда слабенькая была, сам небось не хуже

моего знаешь. Что ж ты все с р^асспросами ко мн^е при-
стаешь да глядишь на меня так, словно я невесть что
над ней учинила!

Геншель (*вопросительно-недоверчиво*). Может
быть, оно и так. Ничего тут нет невозможного.

Фрау Геншель (*выходя из себя*). Знать бы мне
это наперед, я бы лучше по миру пошла. Если бы мне
кто раньше сказал. Вот что теперь выслушивать прихо-
дится. Я же хотела уйти, а кто меня тогда не пускал?
Кто меня удержал в этом доме? Я бы уж как-нибудь да
устроилась. Работы я не боялась. Ты сам меня не пускал.
Вот мне теперь и награда! Вот и расплачиваюсь теперь!

Геншель. Может, и правда тебе расплатиться на-
до. Чему быть, тому не миновать! Ничего не поделаешь.
(*Снова запирает дверь.*)

Фрау Геншель. Не запирай на ключ, Вильгельм!
А то я караул закричу.

Геншель. Тсс, замолчи! Слыхала? По коридору
бежит... Теперь к умывальнику подошла, слышишь? Слы-
шишь плеск? Стоит себе, умывается.

Фрау Геншель. Что с тобой? Бредишь ты, что
ли? Умывальник ведь здесь!

Геншель. То-то! Меня они не обманут, я все знаю.
Кто знает, тот знает (*как бы спохватившись*), больше я
ничего не скажу. Пойдем, пойдем, спать ляжем. Утро
вечера мудренее.

В то время как Геншель направляется к каморке, фрау Геншель
крадучись отпирает дверь и уходит из комнаты. Геншель снимает с
притолоки у входа в каморку извозничий бич.

Да это же мое старое триестское кнутовище. Откуда оно
взялось? Ведь я его уже больше года не видел. Еще
при жизни матери куплено. (*Прислушивается.*) Ты что-
то сказать хочешь? Ну, конечно! Ничего, пускай! А по-
чему бы и нет? Вот и хорошо! Теперь я знаю, что мне
делать! Я упираться не стану. Ну, уж и ты не обессудь.

В неплотно прикрытую дверь входит Зибенгар; он знаками по-
казывает идущим за ним Вермельскирху и фрау Ген-
шель, чтобы они остановились. Он вполне одет, только на шее у
него шелковый шарф вместо воротника. Вермельскирх в халате.

Зибенгар. Добрый вечер, господин Геншель! Что? Вы еще не спите? Вы плохо себя чувствуете? Вам нездоровится?

Геншель (*сначала глядит на Зибенгара с обескураженным видом, потом — просто*). Не могу спать! Нет у меня сна! Я бы принял чего-нибудь, да не знаю. Не знаю, что это такое. Бог весть, отчего это.

Зибенгар. Я вам вот что скажу, старина: ложитесь-ка вы в постель, а завтра пораньше я пошлю за врачом. Вам нужно серьезно заняться собой.

Геншель. Мне, наверно, никакой врач не поможет.

Зибенгар. Не говорите, время покажет. Доктор Рихтер — мастер своего дела. Моя жена несколько недель страдала бессонницей, места себе не находила от головной боли. А в среду приняла порошок и теперь всю ночь спит как убитая.

Геншель. Конечно, может быть... Я бы рад был уснуть. А что, мадам в самом деле больна?

Зибенгар. Да ведь все мы скверно себя чувствуем. Скорей бы уж понедельник миновал, а там, бог даст, опять все образуется.

Геншель. Вы в понедельник сдаете дела?

Зибенгар. Да, надеюсь, что к понедельнику все закончу. Столько всякой возни с бумагами да с инвентаризацией, что и прилечь-то некогда. Послушайте, Геншель, идите в постель! У каждого своя беда. Жизнь — нелегкая штука, всем нам приходится думать, как с ней справиться. И, если у вас невеселые мысли, не принимайте их так близко к сердцу!

Геншель. Спасибо вам, господин Зибенгар. Не поминайте лихом! Желаю вам здоровья, и жене вашей тоже.

Зибенгар. Мы же завтра увидимся, Геншель. А благодарить вам меня не за что. Мы друг другу не раз услуги оказывали, пока под одной крышей жили. Кончилось наше соседство, ничего тут не поделаешь. Мы были друзьями и, надеюсь, друзьями останемся.

Геншель (*молча делает несколько шагов к окну и глядит в него*). В этом-то все и дело! Время на месте не стоит. Вот и Карлхен к нам приходит перестал.

Ну что ж, может быть, вы и правы. Ничему хорошему мальчик здесь бы не научился. Вот раньше было другое дело.

Зибенгар. Я не понимаю, Геншель, о чем вы говорите.

Геншель. Да ведь и вы тоже в эту комнату ни разу не заходили. Вот уже девять месяцев скоро.

Зибенгар. Забот у меня было много.

Геншель. Раньше бы вы с ними как раз и пришли. Нет-нет, я знаю, вы правы. Все кругом правы. Хвастать мне нечем.

Зибенгар. Пойдите отдохните, Геншель!

Геншель. Нет-нет, давайте потолкуем. Поймите, я во всем виноват. Я знаю, что виноват... Ну, ладно. Но ведь еще до того, как я так поступил с женой... ну, еще до того, как на Ганне женился... все уже началось, все уже потихоньку под гору катилось. Было у меня кнутовище китового уса — сломалось, пополам переломилось. А потом еще я, хорошо помню, собаку свою переехал. Лучшего пса у меня никогда не было. Затем, одна за другой, три лошади пали; добрый был жеребец, триста талеров стоил. И вот, наконец, жена умирает. Я и раньше-то заметил, что все это неспроста. Но уж когда жену потерял, я подумал: ну, теперь наконец довольно, немного теперь с меня возьмешь. А он ведь и еще умудрился взять. О Густель я не говорю, тут уж известное дело: жену потерял — с ребенком прощайся. Я о другом: подставил он мне петлю, а я в нее и полез.

Зибенгар. Да кто же вам петлю подставил?

Геншель. Может, дьявол, может — другой кто. А только задушит меня, это как пить дать.

Пауза.

Зибенгар. Навяжутся же такие мысли...

Геншель. Нет-нет, я и не перечу! Скверным я стал человеком. Только не виноват я. Попался я в петлю. А может, и виноват, кто знает! Надо бы мне начеку быть. Дьявол-то похитрее меня. А я всегда напрямик шел.

Зибенгар. Геншель, вы же сами себе враг! Вы изводите себя призраками, пустыми видениями. Ничего вам дьявол не сделал. И ни в какую петлю вы не попали. Никто вас не собирается душить. Все это вздор! Опасная игра воображения.

Геншель. Посмотрим. Время покажет.

Зибенгар. Ну попробуйте сказать мне что-нибудь толком. Вот увидите, вам нечего будет сказать. Никакой вы не скверный человек, и ни в чем вы не виноваты.

Геншель. Мне лучше знать.

Зибенгар. Ну так в чем же вы виноваты?

Геншель. Вот здесь кровать стояла, она еще лежала на ней, и я ей дал обещание. Дал слово и не сдержал.

Зибенгар. Какое обещание?

Геншель. Вы же знаете! И я его не сдержал, не устоял. Тут-то и погибель моя была. Видите, она теперь никак покоя себе не найдет.

Зибенгар. Вы говорите об умершей жене?

Геншель. Ну да, ну да, о ней. Нет ей покоя в могиле. Она все ходит, ходит, и покоя ей нет. Я лошадей чищу, а она передо мной стоит. Я решето с яслей беру, а она, гляжу, сидит у двери. Я в постель хочу лечь в каморке, а она уже лежит и на меня смотрит. Она часы перевесила, она в стенку стучит, она в окна скребется. Она мне руку на грудь кладет, и я задыхаюсь, воздуха мне не хватает. Вот какие дела. Это все испытать надо, чтобы понять. Этого не расскажешь. Я-то уж кое-что испытал, можете мне поверить.

Зибенгар. В последний раз говорю вам, Геншель, возьмите себя по-настоящему в руки. Успокойтесь, посоветуйтесь с врачом! Скажите себе: я болен, я очень болен; но только прогоните прочь эти призраки! Ведь это все видения, большая фантазия.

Геншель. Вы и тогда так говорили. Или что-то похожее сказали.

Зибенгар. Вполне возможно, я от своих слов не отказываюсь. Жениться вы имели полное право. Ни о каком грехе или вине не может быть и речи,

Вермельскирх (*подходит к Геншелю*). Пойдемте-ка ко мне, Геншель! Зажжем газ и в картишки перекинемся. Пива выпьем или еще чего-нибудь, по трубочке выкурим. Пускай призраки только попробуют сунуться. А через два часа уже совсем рассветет, мы кофе поьем и кататься поедем. И вы станете прежним Геншелем, черт побери!

Геншель. Может быть. Надо попробовать.

Вермельскирх. Так идемте же!

Геншель. К вам я никогда больше не пойду.

Вермельскирх. Ах, вы все об этой дурацкой истории. Это же было просто недоразумение! Ведь теперь уже все выяснилось. Гауфе я вообще на порог не пушу. Старик, в самом деле, всегда пьян. А сгоряча люди чего только не наговорят друг другу. В одно ухо вошло, в другое вышло, я такого правила всегда держусь.

Геншель. Так-то оно лучше, конечно. Вы правы. А только в пивную к вам я не пойду. Разъезжать, пожалуй, побольше буду. Не смогут же они повсюду за мной гоняться. А теперь ложитесь себе спать. Меня тоже ко сну клонит.

Зибенгар. А может быть, Геншель, поднимемся ко мне! У меня еще свет горит, в конторе натоплено, сыграли бы партию-другую втроем. Я уж едва ли сегодня лягу.

Геншель. Да-да, это недурно бы. Я уже давно не играл в карты.

Фрау Геншель. Да-да, сходи. Ты ведь все равно не уснешь.

Геншель. Я не пойду, понятно?

Фрау Геншель. Ну, если ты здесь останешься, уйду я. Кто знает, что ты еще выкинешь среди ночи. Опять с ножом играть начнешь. Да-да, вчера он ножа из рук не выпускал. Тут за свою жизнь страшно становится.

Геншель. Нет уж, навверх я не пойду. Сам мне совет дал, а когда я послушался, первый же стал меня презирать.

Зибенгар. Никогда я вас, Геншель, не презирал. Вы кристально честный человек, выбросьте же из го-

ловы всякие глупости. Судьба бывает жестока к людям. Приходится нести свой крест, хоть и нелегко это. Вы больны. Что верно, то верно. Но вы остались порядочным человеком, ручаюсь за это головой.

Геншель. Что ж, может быть, вы и правы, господин Зибенгар. Но довольно об этом, поговорим о чем-нибудь другом. Вы тут не виноваты, это я всегда себе твержу. Шурина тоже нельзя винить. Наверно, он знает, что говорит. Ведь она ходит по людям и всем рассказывает. Она повсюду ходит, то сюда, то туда. Конечно, и к брату заходила.

Вермельскирх. Да кто же ходит по людям-то? Никто об этой истории, что в пивной вышла, и не вспоминает больше. Люди про это и думать забыли.

Геншель. А мне, как ни верти, от этого не отделаться. Она-то уж знает, как ей действовать. Она ко всем ходит, всех поверить заставит. Если даже люди ни слова не скажут, если даже не бросятся на меня, как псы, — мне от этого радости мало, камня с души никто у меня не снимет.

Зибенгар. Геншель, мы не уйдем отсюда, пока вы не выкинете этот вздор из головы. Вам необходимо успокоиться.

Геншель. Я в своем уме, я вполне спокоен.

Зибенгар. Ну, хорошо, давайте говорить откровенно. Вы видите, что ваша жена раскаивается. Официанта и след простыл; теперь его поминай как звали, он вам больше никогда на глаза не попадет. Споткнуться каждый может, кто бы он ни был. Протяните же друг другу руки, и дело с концом! Похороните то, что нужно похоронить, и просто-напросто помиритесь!

Геншель. Мне уже нечего мириться... (Ганне.) Руку... руку, пожалуй, я тебе дать могу. За грех твой пусть бог тебя судит. Тут я тебе не судья. Вот только... я насчет Густель... если бы знать наверняка!

Фрау Геншель. Убейте меня на месте, чтобы мне живой не быть, если я Густель жизни лишила.

Геншель. Вот я и говорю: это на моей совести! Ну что ж, завтра еще поговорим. Немало воды утечет, пока мы все переговорим.

Вермельскирх. Затопите-ка вы печку да сварите себе кофе погорячее! За ненастьем опять ведро приходит. Между мужем и женой всегда так бывает. Без грозы — какое супружество! Зато после грозы урожай лучше. Самое главное — агу, агу, агу! (*Делая движения, которыми качают ребенка.*) Вот вам что нужно. Непременно заведите. (*Весело похлопывая Геншеля по плечу.*) Старик ведь охотник до этой мелюзги. Договоритесь-ка, да и купите себе такую игрушечку. Черт возьми, Геншель-Вильгельм! Вот это дело! Такой богатырь, как вы, что может быть легче. Спокойной вам ночи!

Зибенгар. Все переменится, только духом не падать!

Вермельскирх. Чтоб душа в покое была, а тело в тепле.

Зибенгар и Вермельскирх уходят. Геншель медленно идет к двери и снова пытается ее запереть.

Фрау Геншель. Не запирай!

Геншель. Ну что ж, не надо. Что ты там делаешь?

Фрау Геншель (*стоит перед печью, поспешно выпрямившись*). Видишь: огонь развожу!

Геншель (*тяжело опустившись на стул у стола*). Пожалуй, и лампу зажги! (*Выдвигает ящик стола.*)

Фрау Геншель. Что ты там ищешь?

Геншель. Ничего!

Фрау Геншель. Ну так задвинь ящик. (*Подходит к столу и задвигает ящик.*) Еще Берту разбудить хочешь?

Пауза.

Геншель. В понедельник он уедет. Мы одни останемся.

Фрау Геншель. Кто уедет в понедельник-то?

Геншель. Зибенгар. Кто знает, как-то при новом будет.

Фрау Геншель. Новый богат, денег у тебя заимать не станет.

Геншель. Ганна, один из нас должен уступить! Либо ты, либо я. Да-да, так и есть. Можешь глядеть на меня сколько хочешь. Иначе нельзя.

Фрау Геншель. Уйти мне? Ты прогнать меня решил?

Геншель. Это мы еще увидим, кому уйти. Может, мне, а может, тебе. Если мне... Я знаю, тебе бояться нечего. С извозом ты не хуже мужчины справляешься... Но только не от меня это зависит, пойми.

Фрау Геншель. Если кому-то надо уйти, уйду я. Сила у меня еще, слава богу, есть. Я уйду, и ни одна душа не увидит! Лошади, подводы, домашние вещи — все твое. Нельзя тебе отцовское хозяйство бросать. Мне, стало быть, уходить. И дело с концом.

Геншель. Еще неизвестно. Не все сразу.

Фрау Геншель. Чего тянуть-то? Что кончено, то кончено.

Геншель (*с трудом поднимается и идет к каморке*). А Берта? Что с девочкой станет?

Фрау Геншель. А ее в Квольсдорф, к отцу.

Геншель (*уже на пороге каморки*). Ну ладно, утро вечера мудренее. Все переменится, Зибенгар говорит. (*Уже в каморке.*) Завтра все в другом виде покажется.

Пауза.

(*Его не видно.*) Берта опять вся в поту.

Фрау Геншель. Ничего, пускай попотеет, вреда от этого не будет. У меня тоже вся шея мокрая. Чем так жить (*отворяет окно*), лучше вовсе не жить.

Геншель. Что ты говоришь? Я не понимаю.

Фрау Геншель. Ложись себе и оставь меня в покое.

Геншель. А ты что не ложишься?

Фрау Геншель. Светает уже. (*Заводит часы.*)

Геншель. Кто это часы заводит?

Фрау Геншель. Замолчи наконец! Проснется Берта — опять начнется... Целый час реветь будет. (*Садится у стола, упирается локтями в стол.*) Самое лучшее — уйти отсюда совсем.

В дверь заглядывает Зибенгар.

Зибенгар. Это я опять. Что, успокоился ваш муж?

Фрау Геншель. Да-да, спать лег. *(Зовет.)* Вильгельм, а Вильгельм!

Зибенгар. Тсс!.. Благодарите бога. И постарайтесь сами уснуть. *(Уходит.)*

Фрау Геншель. Что еще остается! Постараюсь. *(Подходит к двери каморки, останавливается, словно оцепенев, и прислушивается.)* Вильгельм! Вильгельм! Отзовись же! *(Громче, с бóльшим страхом.)* Вильгельм! Не пугай меня! Ты думаешь, я не вижу, что ты не спишь! *(С возрастающим страхом.)* Вильгельм! Я же прошу тебя...

Берта просыпается и начинает плакать.

Молчи, Берта, а то я не знаю, что будет. *(Почти кричит.)* Вильгельм, Вильгельм!

В дверь снова заглядывает Зибенгар.

Зибенгар. В чем дело, госпожа Геншель?

Фрау Геншель. Я кричу, а он не отвечает.

Зибенгар. Вы с ума сошли? Что с вами?!

Фрау Геншель. Такая тишина! Что-то случилось!

Зибенгар. Что? *(Берет свечу и подходит к двери каморки.)* Геншель, вы уже спите? *(Входит в каморку.)*

Пауза.

Фрау Геншель *(не решаясь пойти за ним)*. Что там? Что там? Что там такое?

В дверь заглядывает Вермельскирх.

Вермельскирх. Кто там?

Фрау Геншель. Господин Зибенгар. Так тихо, никто не отвечает...

Зибенгар *(поспешно возвращается с Бертой на руках, бледный как смерть)*. Фрау Геншель, возьмите ребенка и идите к моей жене!

Фрау Геншель (*взяв девочку на руки*). Ради бога, что случилось?

Зибенгар. Узнаете, еще будет время.

Фрау Геншель (*не в силах сдержать крик*). Господи, он что-то над собой сделал! (*Уходит с ребенком.*)

Вермельскирх. Врача?

Зибенгар. Поздно! Не поможет.

Занавес